


84(2Рос=Рус)6

К М69

Валерий
Михайловский



ДУШИ НЕПРИКАЯННЫЕ

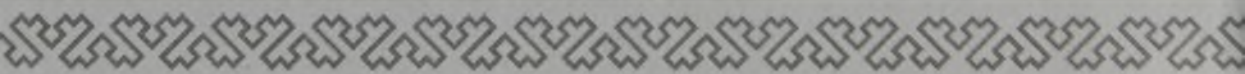
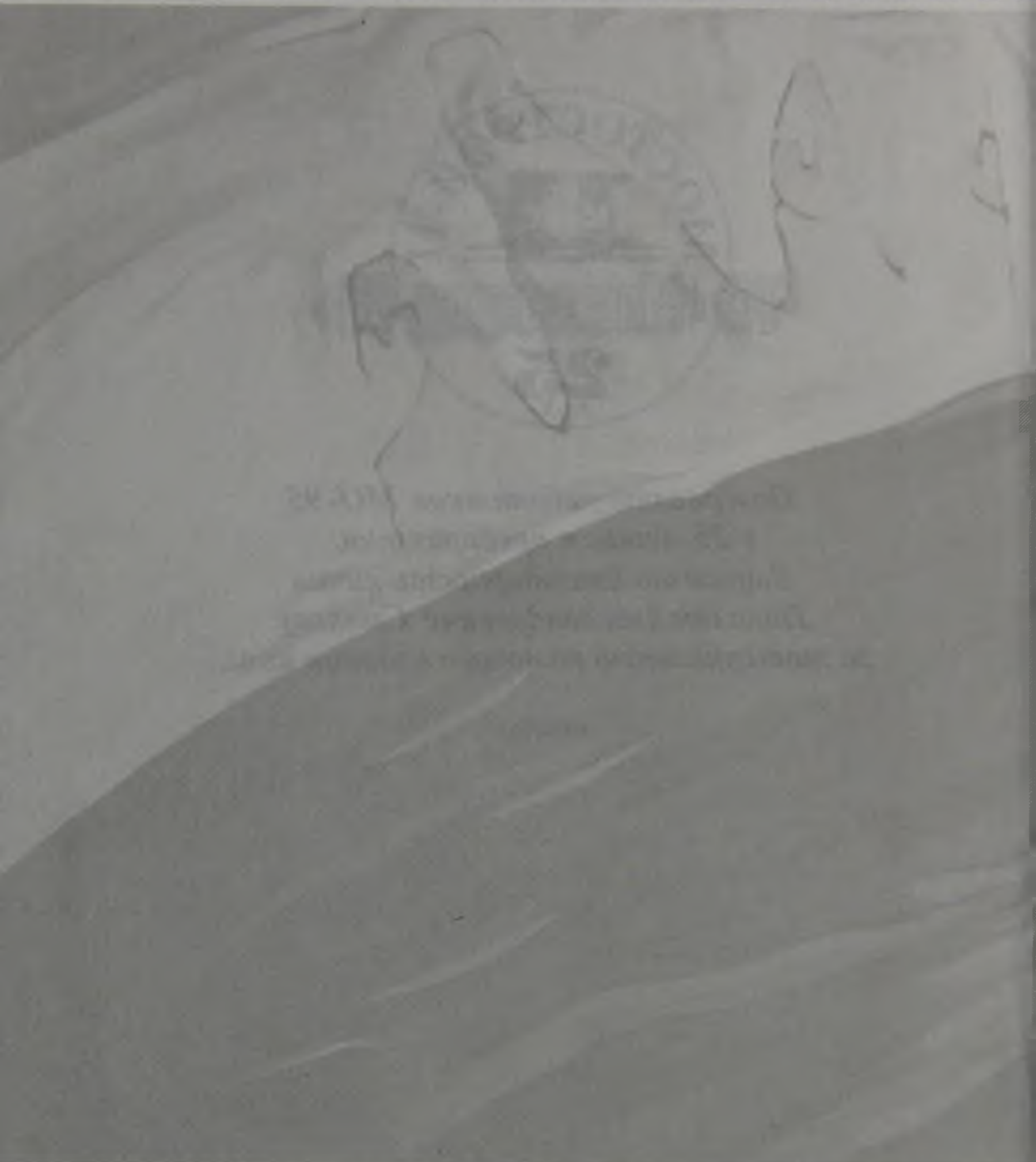
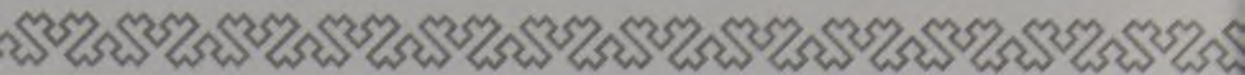
8409





*Поздравляю работников МО-95
с 25-летием предприятия.
Выражаю благодарность лично
Николаю Александровичу Смехову
за материальную помощь в издании книг.*

Автор



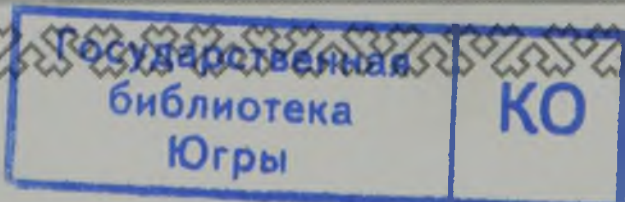
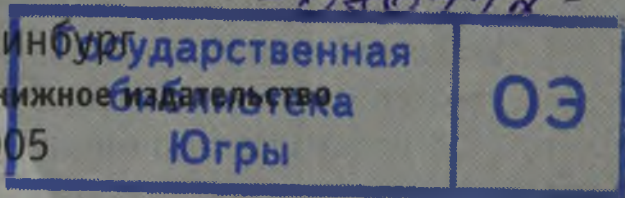
Валерий Михайловский

ДУШИ НЕПРИКАЯННЫЕ

ПОВЕСТЬ, РАССКАЗЫ

Книга 1

Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство
2005



ББК 84.Р7
М 69

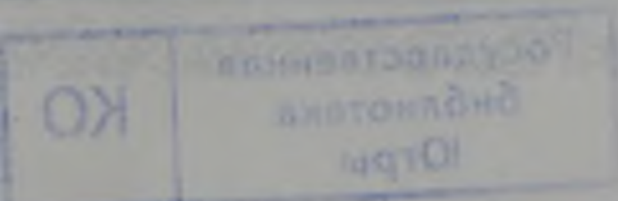
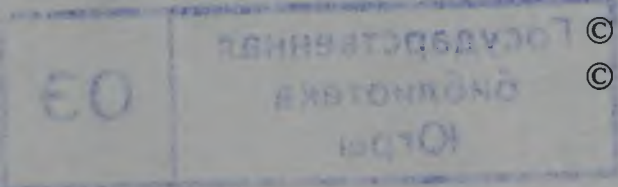
Художник Ю.А. Бычков

ISBN 5-7529-0772-1

© Михайловский В.Л., 2005

© Бычков Ю.А., ил., 2005

© Средне-Уральское книжное
издательство, 2005



канные «гэтэшками» беломошные гривы. Это уже не земля — это месторождение».

Боль за эту землю больше всего беспокоит и ханты-старожила Усть Ивановича, и молодого, сильного человека Кузьму, который носит фамилию деда — Павла Ивановича Покачева, владельца родовых угодий, откуда ведет свое название современный поселок Покачи.

Образ Кузьмы проходит через новую книгу Валерия Михайловского. Имя его встречается на первой странице повести «Души неприкаянные»: «Как-то позвонил Кузьма — мой старинный друг-ханты: «Приедет Егор, родня моя. Помоги чем сможешь». Вот и завязка новой истории, нового повествования.

Главная героиня повести — Полина. Собственно, с ее печали и начинается история. Она ищет мать, и суждено ей этому делу посвятить всю оставшуюся жизнь. Такова уж участь ее неприкаянной души. Полине досталась нелегкая судьба, которую ей и предсказывала мать. А уж на материнскую долю пришлось столько мытарств, что не приведи Господь! Анна, мать Полины, рано осиротела, став самой старшей в семье. Она была отмечена необыкновенным даром провидения — «Торум коснулся ее чела!»: «Она все видела и слышала. Она с деревом разговаривает, оно отвечает ей. Она с травой шепчется, и трава ей рассказывает, от каких болезней что применять можно». И вот эта необыкновенная женщина, которая врачевала всех нуждавшихся в ее помощи, утешала добрым словом, как могла, вдруг сама попала в беду: схоронила трех братьев, которым стала второй матерью, потеряла двух мужей. Одно утешение — младшая дочь Полина, да ее собака Карай, которую девочка привезла из интерната. Их встреча после долгой разлуки — один из самых светлых эпизодов в повести: «Каждый радовался своему счастью». Без собаки одино-

кая, измученная приступами болезни Анна «шагу ступить не могла. И он без нее ни-ни. Куда она, туда и пес». Но похитили самого близкого друга. Зло опять пришло из края «чужаков», погубивших и близких ей людей. Круг замкнулся, жизнь потеряла смысл, но Анна все еще боролась, надеялась отыскать Карая, полноправного члена ее когда-то большой семьи. Да так и не нашла, не хватило сил дойти: погибла на пути к заветной избушке, где ждал ее обессиленный пес. Так, вмешавшись в судьбы лесных людей, цивилизация уничтожила многих из них, а тех, кто остался жив, сделала несчастными. Вот и сын Полины, Сережа, стесняется матери. У него теперь совершенно другие заботы, и он, возможно, станет городским жителем...

Повесть «Души неприкаянные» поднимает проблему старую как мир: столкновение нового и старого, необычного и привычного, души и машины. В просветительскую эпоху, с легкой руки Руссо, если рассматривать конфликт применительно к таким понятиям, как «цивилизация» и «природа», был распространен даже специальный термин — «естественный человек», — так стали называть тех, кого путешественники привозили в Западную Европу из заморской Америки... Новое время — новые песни, но противопоставление, столкновение интересов остались прежними...

И в повестях Михайловского противопоставление города обиталищам лесных жителей является одним из характерных приемов повествования. Рядом с природой ощущаешь себя совсем не так, как в городских джунглях: даже в лае собак «не чувствовалось той оголтелой ярости и ненависти к человеку, как у дворянки, сидящей на цепи». Что говорить тогда о людях? Не все, конечно, так плохо в городе, но есть существенные отличия, говорящие не в его пользу. Младший брат Анны Егор сочувствует тесноте городских: «Тесно как лю-

дям», «Как найдешь тут человека?», «Смотрят друг на друга, а лица не видят», «Места мало», «Как земля может прокормить столько?»; сам он в городе как рыба, выброшенная на сушу.

Мысль о том, что город рассадник зла, высказывают многие персонажи книги. В тех же «Душах неприкаянных» бабушка Ефросинья, рассказывая Полине об ее отце, говорит: «Папа твой хорошим человеком был, в город уехал, маму твою звал... Машина убила его. Их там, в городе, мно-о-го, больше, чем людей, однако». Военная машина Афганистана перемолола брата Анны — Якова. Образ железной махины — огромной зеленой металлической лягушки — предвестник будущей трагедии в судьбе Анны и ее дочери Полины. Люди, приехавшие на этой машине-вездеходе, вызывают в повествователе тревогу. Он, словно попав «на одну волну» с героиней, то пытается заставить себя не думать плохо о случайно встретившихся Анне нефтяниках, то, словно подслушав авторский замысел, видит во всем происходящем знак надвигающейся беды. «Пришельцы», «чужаки» — такое отношение рассказчика к нефтяникам-«сеймикам» дружеским не назовешь. Он, представляющий самую гуманную профессию на земле, не может быть равнодушным не только к физическим страданиям, но и к моральным. А самыми слабыми, самыми незащитными, по его мнению, являются на этой земле те народы, что издревле ее населяют. Он хороший доктор прежде всего потому, что, ставя диагноз, видит источник болезни времени в измученных, неприкаянных душах героев. Поэтому его товарищи ханты доверяют ему во всем, но, к сожалению, и он не всемогущ. Никто не слышит голосов таких людей, как Кузьма, Усть Иванович, Анна, Егор, Полина или Ефим. Участь рыбака Ефима Тылчина не менее трагична — не выдержало сердце, когда последний олень ушел из ново-

«...Я... решил, — признается автор в одном из рассказов, — что обязательно когда-нибудь напишу об этих простых людях с такими непростыми судьбами, заплетенными этим взъерошенным временем. И вспомнились мне слова мудрого Усть Ивановича: «Мы хотим, чтобы нам не мешали жить по-нашему. У нас одна вера, у нас и судьба на всех одна, что на Агане, что на Вахе или где-нибудь еще. Каждый живет в своем урие, в своем бору, но все едят одну рыбу и носят одинаковые одежды. И мы все молимся одним Богам».

Есть о чем задуматься Кузьме и его товарищам — ведь у них одна судьба на всех.

Колокол в повестях Валерия Михайловского звонит по лесным жителям Северного края. Однако он оплакивает не только их, но и всех тех, кто сопротивляется железному зверю. Звон колокола призван заставить прислушаться читателей разных национальностей и вероисповеданий к бедам тех, кто любит свою землю, традиции отцов и стремится сохранить их для своих потомков.

И не случайно последним в книге стоит рассказ «Тишка» — о смышленном малыше, о крепкой хантыйской семье. О полной семье, что немаловажно, где из поколения в поколение передается вековая мудрость лесных жителей. Становление маленького человечка происходит уже в современных условиях.

Крепко взявшись за руки, Тишка и сын Кузьмы Пашка, верится, выйдут на прямой и светлый путь...

М.М. Рябий,

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры филологии Югорского
государственного университета*

ДУШИ НЕПРИКАЯННЫЕ

ПОВЕСТЬ

Глава I

Будильник почему-то не прозвенел, но я точно помню, что на ночь заводил. Проснулся от того, что визгляво и заливис-то взлаяла дворовая собачонка — всеобщая иждивенка, всем до боли надоевшая, но вызывающая своим облезлым видом всенародное сострадание. В открытое окно на втором этаже все уличные звуки летят абсолютно беспрепятственно, и показалось, что собачонка подвывает прямо под кроватью. Сон оборвался на чем-то интересном, и от такого собачьего беспардонства сердце забилося торопливо, душа затревожилась. Стрелка стыдливо указывала на семь часов. Вчера еще казавшаяся благом свобода, сегодня показывала свои зубки. Жена с детьми уехала в отпуск, и подстраховки нет. Впервые тепло подумал о вечно вшивой собачке: спасибо, разбудила. Через полчаса нужно быть в гостинице на другом конце города. Мои таксы наконец тоже проснулись и дружным лаем ответили своей старой подружке, регулярно дарившей им блох, а заодно и ежеутреннюю зарядку в виде вычесывания этих вечных скиталиц.

Кран горячей воды засипел, втягивая в себя воздух. Я только теперь вспомнил вчерашнее объявление: «В связи с ремонтными работами... отключение горячего водоснабжения с 7 час. до 17 час.». Пять минут назад отключили. Наспех по-

чистил зубы ледяной водой, решил не бриться. Душ тоже отменялся.

На ходу оделся, прогулял собак, отцепил ошейники, захлопнул дверь, выскочил на улицу.. Ключа от машины в кармане не оказалось... Забыл в кармане другого пиджака. Что за чертовщина? Ну и день начинается. Уже сбегая по ступенькам с ключами в руках, вспомнил, что вчера барахлил мотор. Настроение стремительно портилось. Оставалось десять минут.

Мотор запустился с полоборота. Давно уже я не слышал такой чистой работы капризного в последнее время двигателя.

Странно...

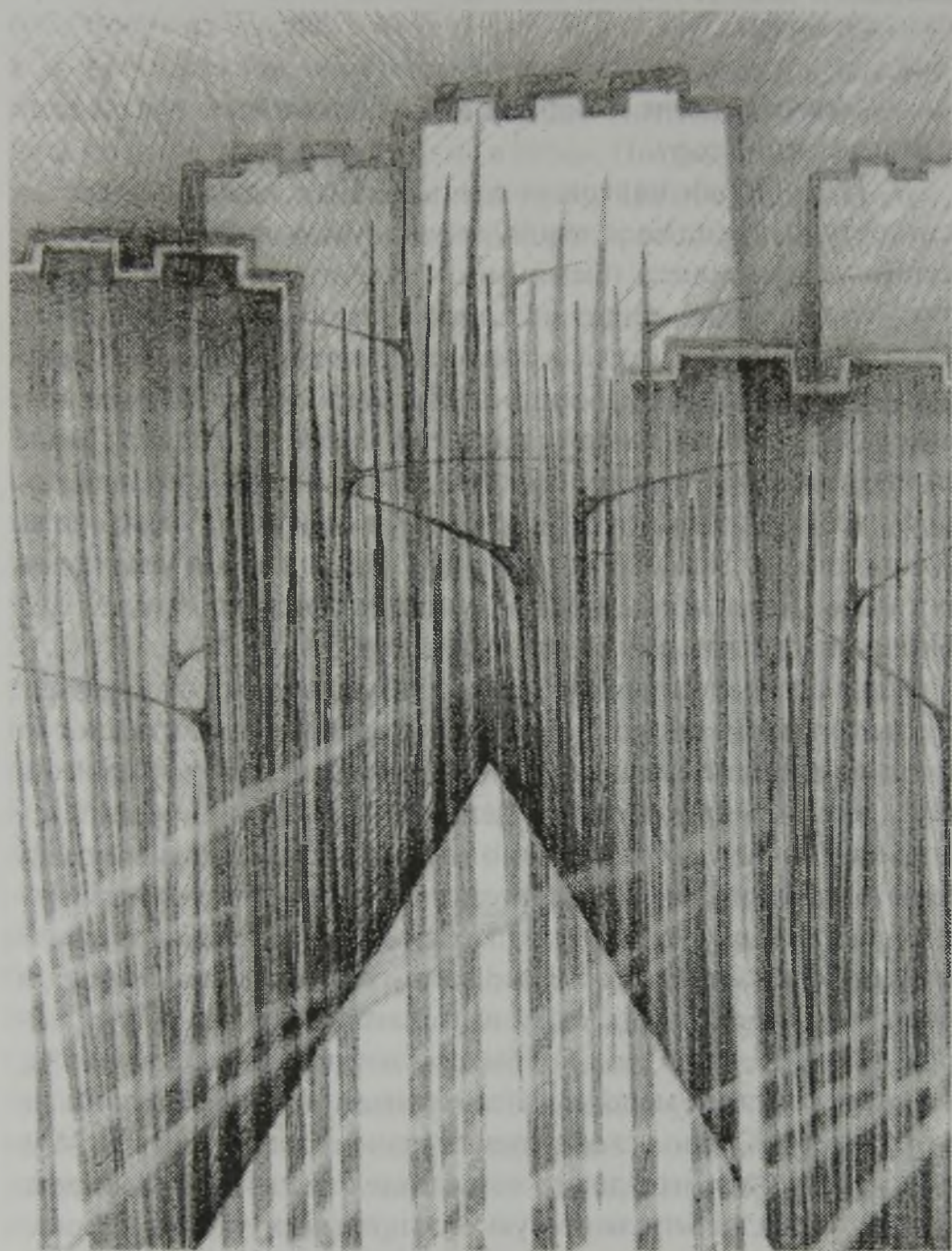
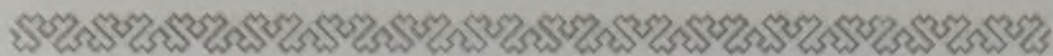
...— Начнем с железнодорожного вокзала, — я включил правый поворотник.

— С вокзала, так с вокзала, — с тихой покорностью сказал мой попутчик Егор.

Как-то позвонил Кузьма — мой старинный друг-ханты: «Приедет Егор, родня моя. Человека найти нужно. Помоги, чем можешь».

Больше он о Егоре и его нужде не распространялся. Просто: «помоги, чем можешь, родственница потерялась». Кузьма человек таежный, лесной, тратить много слов не любит. Ни к чему шлепать попусту губами. Сам Егор скажет. «Маленько рыбачу, маленько охочусь. Дуся, Паша привет передают», — вот и весь разговор. Еще спросил, когда приеду — пески помочь почистить да поневодить, рыбки на зиму готовить. «Жир маленько растрясешь», — непременно ущипнет. Хоть и не говорун Кузьма, а на язык остер.

На вокзале ее не оказалось. Я почти был уверен, что вокзал — это затея пустая. Некуда ей по железке ехать, но проверить для полноты сведений, как говорится, нужно. Вот аэропорт — это дело другое. Вертолетная площадка ей знакома.



Речпорт тоже. Я уже мысленно выстроил маршрут через город: речпорт, городской парк, рынок, центральный университет, аэропорт...

— Может, она не в Вартовске? — попытался я выведать, что известно Егору.

— Наши люди видели ее здесь, — Егор медленно достал сигарету, заложил ее за выпяченную нижнюю губу. — Сестра еешная здесь живет, племянница, значит, тоже моя. Дядя я им. Они, правда, давно меж собой не знают. Сестра-то, Светка, городской стала, в конторе где-то работает — начальник. А Полина что — уборщицей на почте. И то уволили, как с ней вот эта беда-то приключилась. Мать их старшая у нас была, потом я, Спиридон, Тихон, Яков. Никого уже не осталось: все в нижний мир ушли. Один топчусь еще. Мать-то ее Анной звали. Вместо матери у нас после смерти родителей осталась. Всех на своем горбу вытащила и похоронила всех. Не приведи Господи кому такую долю.

Молчаливый поначалу Егор, потихоньку раскочегарился. Речь его текла складно, говорил он почти без акцента, слегка смягчая звонкие гласные, и меня его рассказ, что называется, «зацепил» за живое. Он делал длинные паузы, двигался дальше сначала робко, словно нащупывал невидимый глазу занесенный снегом путь, затем голос его набирал привычные обороты и непрерывным тихим бубном, перебивая уличный шум, глушил мотор и все вокруг. Я не просто слушал, я видел его рассказ в красках, в многозвучии жизни, мне порой казалось, что я там. Он был талантливым рассказчиком, не отвлекался на мелочи, хотя мелочей в такой истории не могло быть. Каждое слово впечатывалось в мою память. Мне показалось, что Егор давно хотел поделиться с кем-то горем, излить тоску, переполнившую его истерзанную душу. Я ока-

зался благодарным слушателем. Занятый вождением машины и пораженный услышанным, я лишь изредка позволял себе прервать Егора.

В речпорту видели Полину пару дней назад. Да, кассир, полная неразговорчивая женщина, помнит: ходила здесь молодая хантыйка. Вроде как «не в себе». Потом до ночи сидела вот там на скамейке. Напоили ее чаем. На ночь зал закрыли, и она ушла в город. Милиция уже интересовалась.

Ищут.

Неделю милиция всего района и города разыскивает Полину. Из деревни уехала она на апарельке — самоходной барже... Люди видели ее простоволосую, нетвердо стоящую на ногах у пристани. Апарелек прошло много — сезон, и на какой ее увезли, никто сказать не мог. Говорят, что останавливалась самоходная баржа с досками. Кто-то слышал, что музыка громко играла.

— А больше ничего не знаем. Милиция спрашивает, — а кто его знает? Каждый своим делом занят: кто в лесу, кто на рыбалке, кто по хозяйству.. — Егор уже обвыкся и успевал на ходу озирать городские пейзажи, всматриваясь в толпы прохожих. — Тесно как людям. Места мало, — ворчит он. — Вон там, в лесочке, посмотреть нужно. Здесь она могла ночевать.

Я сделал недоуменное лицо, пожал плечами, однако перечить не стал. Остановились у городского парка. Стройные березки, высаженные человеком в определенном порядке, просматривались далеко. Лишь в одном месте на самом краю густились кусты ивняка и мелкие деревца, насеявшиеся, как им вздумалось, образовывали затененный угол. Егор напрямую, не обращая внимания на песчаные дорожки, ссутулясь, направился туда. Интуиция ему подсказывала, что искать нужно именно в том углу.

- 086742

— Ночевала она здесь. Только не сегодня, — Егор шевельнул рукой примятую траву, тронул пустой прозрачный пакет с остатками хлебных крошек. — Городские много мусора оставляют.

Глава II

Анна после смерти родителей замкнулась. Из веселой беззаботной девочки-подростка в одночасье превратилась в молчаливую и угрюмую женщину, обремененную заботой о своих младших братьях. Детство ее закончилось в четырнадцать лет. Еще вчера у нее было все: и ласковая мама и всеми уважаемый, добрый отец, и любимые братики и сокровенная мечта, о которой она сказала только маме, — стать учительницей.

Сердце начало тревожиться, уже когда мать с отцом не приехали ночевать. Такого не бывало: отец, обневоленный тайгою с детства, всегда приходил в означенное время, чтобы не тревожить жену и детей. Соседи утром собрались на Большое болото искать: трудно объяснить ночевку на ягоднике, что в двадцати минутах ходу на обласке по старице, да еще среди лета.

Не успела соседка тетя Фрося подобрать слова, чтобы сообщить страшное, а земля под ногами Анны колыхнулась, и она провалилась в пропасть...

— О, боги небесные! И ее не обошла трясухая! — Ефросинья подхватила ослабевшую Анну, уложила на полати. Тело Анны вытянулось, содрогнулось страшной судорогой. — Уходите на улицу, — прикрикнула она на мальчишек.

Давно уже ведется так, что хоть одну дочь, да отметит Торум своей страшной меткой в их роду. Словно проклятье ка-

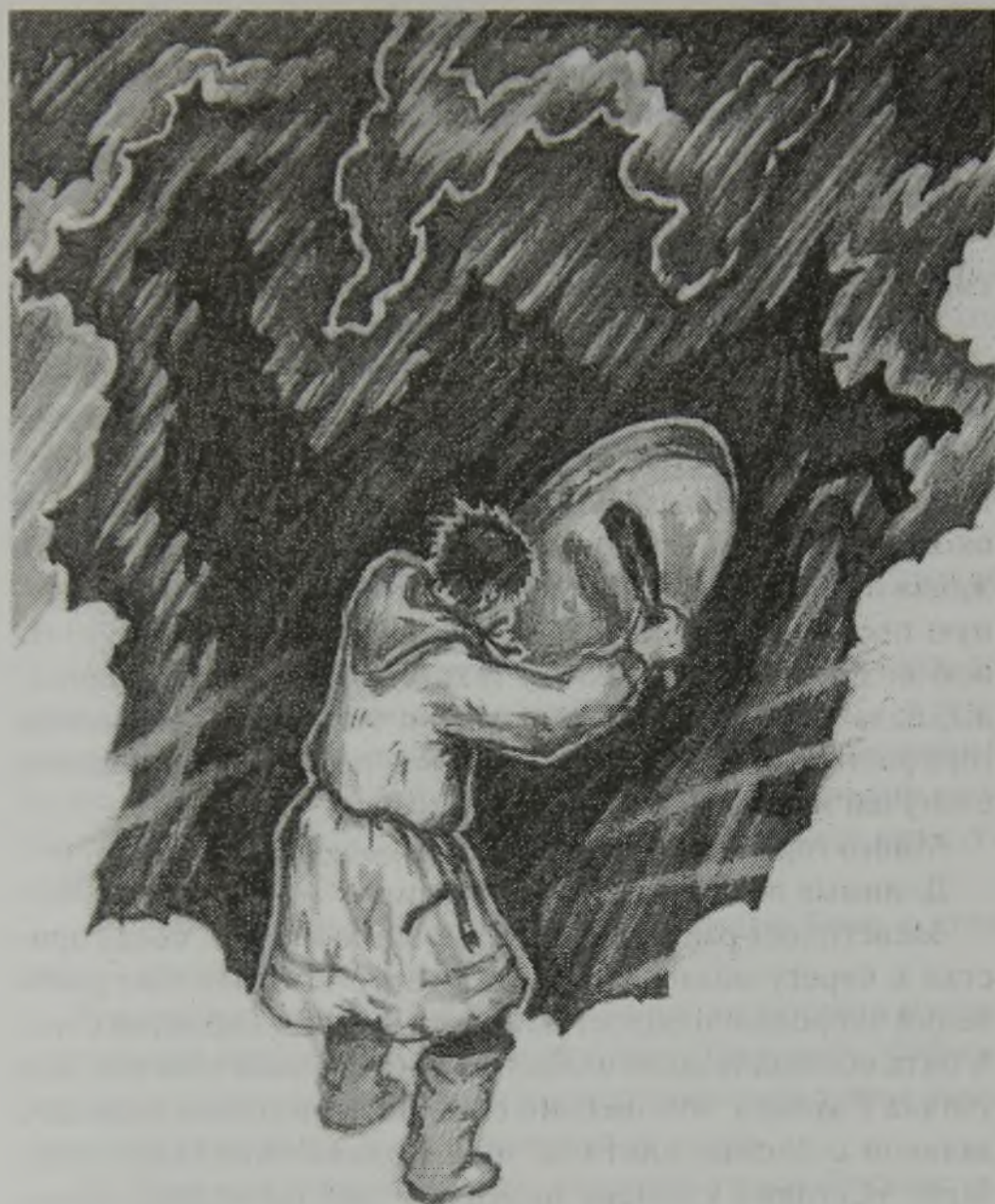
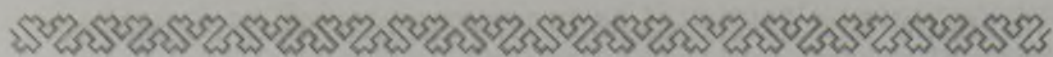
кое или наоборот... Кто судить может волю Богов? Люди рассказывают, что так было всегда. Род их идет от знаменитых шаманов: о них и легенды передаются от старых к молодым. Помнят еще рассказы про великого шамана Кармина Константина — прадеда Анны живущие на берегах древнего Ваха сородичи. Красные погубили... Не смог расстаться со своим бубном... Ефросинья его помнит, хоть и маленькой была...

Мать Анны Евдокия Кармина, страдающая «падучей», боялась, что и дочери передалась эта болезнь, но припадков у Аннушки не было. Она росла здоровой девочкой, хорошо училась. Евдокия радовалась: она могла смело смотреть Афанасию, своему мужу, в глаза, не боясь укоров.

Прospала Анна до следующего утра. Сон ее был неспокоен. Сутки металась в жару.

...Унесло ее в упряжке из семи оленей с шаманом Григорием Пращиным в неведомую даль. Выше деревьев летят олени, огонь из-под копыт высекается. Уже с луной сравнялись. Звезды рядом мелькают, золотом-серебром блестят. До большой реки Ась домчались. Лентой река тянется в сторону полуденного солнца и в другую — холодную сторону тоже. Развернулась упряжка, на свет, в сторону полуденного солнца полетела вихрем. Больно глазам сделалось. Река внизу то в сторону восхода солнца повернет, то в сторону захода. И так семь раз по семь и еще семь раз. Долетели до места, где Большая скала посередине высится, реку на две части делит. А на той скале капкан большой стоит. Крикнул шаман: «Бросай что-нибудь в капкан, как бы самим не угодить». Достала Анна большую щуку из сумки, бросила, капкан закрылся.

Долетают до самой большой горы — Алле-пеле-чив-ех. На ней лица знакомые, тех, кто умер давно, и тех, кто покинул



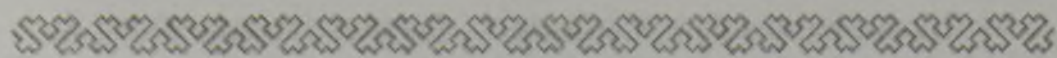
Я подошел к пожилой женщине, торгующей всякой мелочью: вязаными носками да варежками, узнать что-нибудь о Полине. Встречал я эту женщину и раньше на этом месте. Ничем помочь она не могла. «Столько народу, что не запомнишь всех, кто проходит мимо». Другие торговки отвечали так же. Мы обошли все шашлычные. Там тоже не видели женщины с нашими приметам. Егор морщил лицо, что-то ворчал себе под нос. Видно было, что ему не нравится ходить по рынку, толкаясь локтями. Он часто отставал, пропускал вперед то одного, то другого и ждал, видимо, что и ему уступят дорогу. Но этого не случилось, и он робко протискивался в плотной толпе.

— Ар-ях — много народа! — покачал головой Егор. — Как найдешь тут человека? — он потрогал жидковатые с проседью усы. — Смотрят друг на друга, а лица не видят. Как тут найдешь? Не будет она тут толкаться, — подытожил он.

Я методично объезжал все улицы, держа направление в сторону аэропорта. И времени для рассказа у моего попутчика было достаточно.

— А на следующий день после похорон пришла тетя Фрося к нам, — не теряя нити повествования, продолжал Егор, как только уселся в удобное сиденье. — Помню, Аня подошла к ней, посмотрела так внимательно и говорит: «Тетя Фрося, в город поезжай, доктору покажись. Болезнь у тебя. Только спешить нужно». Я хоть маленький был: кого там, девять лет мне тогда исполнилось, а и то спужался, как на тетю Фросю-то глянул. Побледнела она, губы затряслись. «Елта-ку! — ворожит человек», — крикнула она и выбежала на улицу. «Елта-ку! Елта-ку!» — закричала она и побежала от избы к избе. А к доктору она ездила, операцию сделали. Не от этого померла — от старости.

— А что было у Ефросиньи? — поинтересовался я.



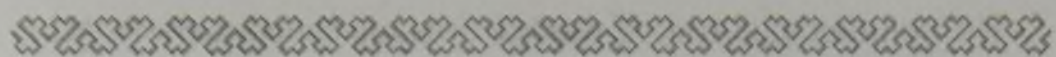
С этого времени стали приезжать к Анне со всей реки. Поверили люди в чудодейственную силу ее.

Ездил она к Григорию Пращину. Сам за ней прислал: «Хворый я стал, да и старость меня книзу гнет. В нижний мир собираюсь», — передали ей.

Анна уехала к нему. Долго у него жила. Никто не знает, какие слова говорил он Анне, о чем песни пел старый шаман. Только приехала она домой с бубном шаманским — коем новым, одежду привезла: шапку шамана — елта-мюль, отороченную мехом росомахи, расшитой шестью бисерными полосками, по шапке ящерицы вышиты. Халат — елта-лепа до пят с богатой вышивкой бисером. Рукавицы шамана — елта-пас из кожи медвежьих лап с когтями и ноговицы — елта-нир — все сделано своими руками. Говорят, и медведя сама добыла, чтоб рукавицы сделать и амулеты. Приехала худая, бледная: кожа да кости. Только в глазах неведомый доселе блеск появился.

Старый шаман еще пожил немного и умер тихо. Никого после Анны не пускал к себе. Никого больше не видел до самой смерти. Гроб-колоду кедровую успел себе сделать. В ней его и предали святой земле.

Случился с Анной как-то очередной приступ. Трясло в этот раз крепко, проспала она долго, а когда очнулась, сказала: «Григорий Пращин помер. Хоронить поедем». Все, кто мог передвигаться, собрались хоронить старого шамана. Двенадцать лодок отчалили от берега. По дороге еще народ присоединялся. Слух быстро разлетелся: «Шаман умер Григорий Пращин. Сама Анна хоронить едет».



Но прошел еще год, другой, а больше забеременеть Анна не могла. Может, сказала простуда. Даже в больницу попала как-то. Всем могла помочь Анна, попросить у Торума благодати для кого-то ей не сложно, а себе — сколько ни просит — молчат Боги.

Не помогают молитвы.

Не помогают жертвенные подношения.

Не помогают заклинания и увещевания.

Тягучая материнская песня тоже не помогла.

Посмурнела Анна, но виду старается не подавать. Замечать стала, что проявляется хворь, когда на душе тяжело. А без горестей-нешадей жизнь разве бывает? Каждому своего хватает. И ее дом тоже стороной не обходит.

Прокопий стал выпивать. Сначала редко. Анну даже веселило поначалу, когда он, подвыпивший, плохо владел языком или, шатаясь, не мог попасть ногой в сапог.

Теперь не до смеху... Дети уже в школу пошли, все понимают, да и присмотр за ними нужен. Хозяйство в запустение приходит.

Заболел тяжело Прокопий. Пьяным нашли его в снегу чуть живого. Не стало хозяина в доме. Тяжелая болезнь сломила его. Стонет тяжело, ворочается ночь напролет, а чуть утро забрезжит, смотрит, где бы вина достать, залить горе. На плечи Анны снова легли все тяготы нелегкого лесного быта. Егор и Спиридон, помня сестринское добро, помогали. Где рыбой, где дичью поделаются, дров на зиму заготовить помогут, да и мало ли в чем нужно подсобить. Живут-то рядом. У них свои семьи, своих детей уже прижили.

Прокопий чахнул на глазах и скоро умер незаметно. Также тихо похоронили его. Потушила, поплакала Анна: было же у них и светлое время. Плохое забылось.

Глава V

В аэропорту диспетчер Валентина глянула-стрельнула голубыми глазами:

— Во вторник была Полина здесь, бродила, как неприкаянная.

Оказывается, диспетчер знает Полину давно, еще школьницей помнит ее.

— Я место ей сделала. Народу-то сам знаешь, сколько бывает на вертолет, — обращалась она к Егору. — Ни за что не захотела улетать. К сеструхе, говорит, пойду. Мама, говорит, у нее гостит. Я говорю: «Умерла твоя мама, поезжай домой, тебя муж ждет», а она свое: «Маму искать буду». Чаем ее напоила, накормила, хлеба, печенья с собой дала... А теперь вот каждый день милиция ее ищет. Куда ушла, не знаю. И зачем приходила, тоже не пойму. Прямо как неприкаянная... — повторила она.

Егор потускнел. Я тоже рассчитывал, что в аэропорту найдется ниточка.

— Не расстраивайся. Обрато поедем другой дорогой, еще поищем, — попытался я хоть как-то поддержать Егора.

— Расстраивайся не расстраивайся, найти нужно ее — завтра вертолет. Потом торчи тут неделю, а мне в тайгу уходить нужно: осенью каждый день дорог, так что найти ее нужно... Все равно найдем, — в его голосе я уловил уверенность, которой у меня уже не осталось.

Я предложил пообедать в буфете аэропорта. Он согласился, и мы уселись за угловой столик. Больше никого в буфете не было, и за обедом Егор продолжал свой рассказ.

...Потянулись бесконечные будни. Ни праздников, ни выходных. Каждый день друг за друга цепляется, и нет им конца. Приедет кто издалека за помощью к Анне — она обряд шаманский справит, полетит то на оленьей упряжке, то на

большой птице Курок в далекую сторону у Торума совет спросить. Откроет глаза, расскажет все как есть о болезни или как горю помочь. Трав да корешков засушенных даст.

А больше всего ей узнать хочется, что нового, чем народ живет. Вот нефтяники какие-то начали нефть — горючий жир земли добывать. Народу много прибывает. Да она и сама замечает, что много новых появляется в селении. Недолго, правда, задерживаются. Поживут маленько зиму-другую, попробуют на зуб жизнь таежную и сматываются. Немногие остаются, но если уж пришлась жизнь им здешняя по душе — пускают корни.

Вот и к ней прибился Андрей Ненашев, лесник нового лесничества. Ненаший, говорила Анна. У соседей квартировал Андрей. Сначала помогал Анне по хозяйству. Одно, другое сделает. Плотницким делом хорошо владел. Крышу перекрыл, лабаз поправил. И как-то незаметно к Анне перебрался. Она и не против была, хоть и чужеземец, а охотничал добычливо, в рыбной ловле толк знал, да и к детям ее подход нашел. Братья его тоже признали. Анна снова повеселела, почувствовав опору.

Тяжко одной-то...

Ох, как тяжело!

А тут деньки полетели легким пухом, ночки порхали быстрее. Все заладилось, все как-то само собой получается. Лето прошло, зима промелькнула, не успев надоесть, и снова лето, снова зима. Незаметно время летит. Когда все ладом пошло, и хворь реже о себе напоминает.

Но, видно, судьба такая Анне досталась, что не надолго счастье задерживается у ее порога. Андрею предложили должность в городе: к тому времени институт окончил заочно. Он звал Анну, но она осталась в своем доме. Не могла она уехать из дома своих родителей. Андрей часто приезжал, уго-

варивал, но Анна осталась при своем. А потом пришло известие, что погиб в автокатастрофе. Попросилась с Егором на могилку съездить. К тому времени приступов не стало, и поняла она, что носит под сердцем частичку того добряка-бородача, последнего в своей жизни мужчины.

Полиной назвала дочку. Андрей упоминал как-то о маме своей, что похоронена в Тобольске, Полиной ее звали. Тяжело досталась ей дочь, чуть не умерла в родах, но Боги услышали ее молитвы, и стала Анна с помощью своих Богов и русского Николы-Торума поправляться. Станет, бывало, на колени на полатах напротив маленькой иконки, что осталась от матери, и долго тихо молится. По-своему молится. Настоящих молитв не знает. Глаза у Николы-Торума как у Андрея: добром светятся. Уже в забытии услышит: «Не бойся, хорошо будет». Очнется Анна от видения, поплачет в углу и станет легче утомленному сердцу.

Рядом снова Ефросинья, уже убеленная сединами. Ее звать не нужно — сама знает, когда помощь нужна.

Слабенькая Полина поздно стала на ножки, поздно разговаривалась. Анна часто сидела вечерами у пышущего жаром чувала и пела дочери песни своей мамы, вспоминая короткое детство, родителей.

Часто перебирая старые одежды своей мамы, отца, мысленно взывала о помощи, обращалась за советом.

Уходя взором в бесконечность сквозь стену или окно, она видела, как ловко отец работает топором, как метко снимает белку на охоте, помнит тепло его рук, даже запах дыма, смешанный с лесными ароматами, спрятанный в одежде, вспоминается, будто вот он, рядом. Она видит ловкие мамины руки, набирающие бисер, помнит ее руки, заплетающие ей косу, ее голос, помнит кружевные песни. Вот только с прошедшими годами лица стираются в памяти...

И только улетая на быстрой нарте о семи оленей, во время молитвенных танцев, и пролетая высокие скалы, видела их ясно. Их каменные лица взирали со скал: «Куда летишь? Какие помыслы твои?» — спрашивали они. «На такой земле живем, где плохо живут люди. Зверья, птицы совсем мало становится. Посмотреть, где лучше живут», — отвечает Анна. «Лети к Большому старику Алле-Ике, дочь. Он все скажет!» — слышала в ответ знакомый материнский голос.

И летела она к седому старику, и старик, посмотрев ей пристально в лицо, велел лететь обратно: «На каждой Земле все пополам. И нужды и добра на всех хватает, а уж кому что — не загадывай», — скажет старик и исчезнет.

Не нашла она богатую землю, где жили бы в достатке люди. Не встречались ей края, где не знают горя и страшных болезней, где не теряют своих родных и близких. Обратной дорогой возвращала ее чудо-нарта.

Открывала, очнувшись, уставшие глаза и говорила: «Торум сказал: хорошо будет».

И с этой верой жила и другим помогала верить: «Хорошо будет».

Поздние дети всегда любимые. Истомилась душа по родному. Невыносимо длинные ночи и монотонные дни, похожие один на другой, разбавились заботами о младшенькой. Часто вечерами рассказывала сказки Анна своей Полинке, сказки своей мамы, бабушки. Закончатся сказки, про жизнь свою горемычную поведает, песню затянет без начала и конца, пока не уснет Полина, прижавшись к маминой юбке.

Старшие Никита и Светлана надолго улетали вертолетом в школу-интернат (в деревне только начальная школа), и на долгие месяцы остаются в просторном доме вдвоем мать со

— Раз обещал — сделает, — вздыхает тяжело Ефросинья и смотрит на яркие языки пламени, облизывающие казанок. Помешивает варево деревянной ложкой, снова подсаживается к Полинке.

— А это мой папа? — достает фотографию девочка.

— Да. Папа твой хорошим человеком был, в город уехал, маму твою звал... Машина убила его. Их там в городе много-го, — Ефросинья сделала паузу, — больше, чем людей, однако. — Старуха смахнула слезу. — Душа у него добрая была.

— А душа, какая? — спрашивает девчушка и заглядывает в глаза седой старухи. Она часто слышит это слово и не понимает, какая бывает душа. Рука, нога — понятно, а душа?

— Душа — она тенью ходит рядом с человеком, как тень. А может, тень и есть наша душа. Не зря же на тень человека наступать нельзя. А умрет человек — покидает его навсегда, копалухой может перелететь к другому или другой какой птицей. Так бывает, мне мама когда-то рассказывала. Плохо тому человеку, в которого душа другого вселится — до смерти уже не отпустит.

Замолкнет старуха. Застынет в ее руке ложка.

Полина представляет себе огромную машину, что убила ее папу, его душу, улетевшую навсегда. Она не знает, как машина может убить человека. Представляет себе огромную летящую копалуху с бородатым лицом из фотографии. Она ищет человека, в которого бы ей вселиться. Людей в городе множество: копошатся, как муравьи; вокруг машины страшно рычат, а копалуха мечется среди машин и людей, и нет ей простора. Бьется вольная птица в окна машин, домов, к каждому человеку норовит подлететь, и все отмахиваются руками. Страшно Полинке, и она прижимается к бабушке Фросе.

Глава VI

Проводила Анна в армию своего первенца, уехала Светлана в город. Не вернулись больше они в родной дом. Никита после армии осел в Новооганске. Старшая дочь окончила бухгалтерские курсы, поступила заочно в институт, и скоро назначили ее главным бухгалтером. Только однажды она придет в родную деревню: на похороны своей матери. Будет она рыдать и просить прощения, что не нашлось времени поговорить с мамой. Только деньги присылала да гостинцы к праздникам. Все деньги нетронутые нашли потом в сундучке, перевязанными веревочками и аккуратно сложенными: и те, еще старые дореформенные, и те, что менялись, приобретая и теряя нули.

Сын Никита навещается в отчий дом каждое лето.

— Хорошая у тебя жена, — говорит Анна, выглядывая в окошко. Там, под навесом, Ирина управляет с крупной рыбиной. — По-нашему щуку чистит. Научилась.

Ирина ловко подрезает острым ножом чешую, вспарывает рыбину, нарезает ломтиками для жарки. Рядом бегают маленький Ромка. Анна души не чаёт в своем внуке, и он любит слушать ее сказки. Только солнце садится за реку, а он уже тут как тут:

— Расскажи, баба, сказку про зайчика.

— Слушай, пухие, мальчоночка мой, — усядется возле окошка Анна и начнет сказку про зайчика.

— Не так, — поправляет бабушку внучек, — вчера ты не так рассказывала.

— Так то вчера было. День прошел, с зайчиком уже другая история приключилась.

— А где зайчик живет?

— Там, за ручьем... Завтра я тебе покажу, где он спит. Там и пух его есть, и тропинку его покажу. След от его лапки остался.

— А лисичка тоже там живет?

— Лисичка за урманом в норке. Вон в той стороне, — махнула рукой Анна.

— В другом лесу?

— Сказка в нашем лесу живет, — говорит Анна и смотрит на Полину. Мол, Полинка знает.

Дочь тоже слушает. Она удобно устроилась на оленьей шкуре. Ромка прижался к ней и не сводит глаз с бабушки. За бабушкиной спиной слабо подмигивает темнеющее окошко.

Мальчик прислушивается к шелесту листвы, к шуму летнего дождя.

Сказка рядом живет...

Побагровела первая осинка на том берегу ручья, порыжело болото. Дожди зачастили нудными серыми космами, небо потяжелело, выцвело, потеряв свои веселые летние краски. Завтра все уедут. Полина в школу-интернат собирается — выросла, окончила начальную школу. Вон уже и ранец с книгами надулся у окна. У сына заканчивается отпуск.

Анна уложила уснувших детей, открыла дверь проветрить избу, подложив полено, чтоб не закрывалась — душно стало от печки. Села у окна и уже не видела и не слышала, как пришли Никита с Ириной и тоже улеглись у дальней стенки, где раньше стоял чувал, а теперь красовалась сделанная руками сына резная полка для посуды. Переливы ее песни закружили легким танцем, чуть слышно зашуршали по углам. Слезы катились по щекам теплыми прозрачными ручейками...

Когда закончилась ее песня, когда сон склонил тяжелую голову к подушке, Анна не помнила.

Утром проснулась раньше всех. В одной руке она сжимала уже высохший за короткую ночь платок, другая рука обнимала младшенькую доченьку и внука.

Она поняла своей израненной душой, что тихое счастье кончилось. Одиночество уже стучалось настойчиво и неотвратно.

А как немного ей нужно, чтобы чувствовать себя счастливой: видеть детей своих, внука и знать, что Боги благосклонны к ним.

Сегодня во сне Белый старик приснился ей. Сидит среди юрты. Свет золотом разливается, слепит блеском своим.

— Тяжело живется, уезжают далеко родные мои, покидают родной дом. Скажи, как уберечь детей моих, чтобы не болели, чтобы удача не отворачивалась от них? — спросила тихо.

— Я знаю, кому как жить, кому хворать, кому здороветь, кому удача улыбнется, от кого отвернется. Однако всем хорошо будет, — улыбнулся Старик.

И на душе Анны потеплеет. Одиночество она переживет, лишь бы у них все сложилось удачно... Нашел бы каждый свою тропинку в жизни. И не пришлось бы петлять подобно зайцу, запутывая следы, а торили бы свой путь прямо, ощущая твердь земли, обретая уверенность с каждым шагом. Были бы чисты их помыслы...

Все дети селения, повинувшись неизбежной доле, собрались на вертолетной площадке задолго до назначенного времени. Вертолет ожидали к полудню. Мальчишки носились по бревенчатому настилу, девчонки в стороне, выбрав место поровнее, играли в резиночки. Родители стояли тихо, понуриив головы рядом со сваленными в кучу сумками и школьными ранцами. Полина не плакала, уезжая из дома. Прислонившись к маме, она держала в руках самодельную куклу, оде-

тую в платице, украшенное бисерной вышивкой. Куклу из дерева сделал ей дядя Егор, а одежду сшили вместе с мамой. Так и стояли они в стороне, слившись воедино.

Мать и дочь.

В преддверии разлуки.

В преддверии одиночества.

В преддверии бессонных ночей, бесконечных песен и слез.

Как ни ждали вертолет, а появился он внезапно, словно выплыл из-за высокой гривы. Залопотали лопасти, поднимая пыль, засуетились взрослые, собрались в кучку дети. Наспех обнялись.

Также внезапно, как и появился, вертолет набрал высоту, замер над площадкой. Развернувшись, с места взял разгон и вскоре превратился в беззвучную точку.

Рано утром сына с семейством проводила. Ирине по-матерински наказала в доме мир да лад держать. Долго Ромку отпустить не могла, и только когда капитан катера громко рывкнул в рупор, оборвалось сердце Анны. Вроде привычным стало встречать-проводить их...

Теперь вот и дочь улетела...

Одна, совсем одна осталась Анна.

Глава VII

— Как все-то поразъехались, — Егор запнулся, поднял голову, вслушиваясь в очередное объявление.

Так он делал каждый раз, будто ждал какого-то известия. «Внимание пассажирам рейса номер...» Егор, выждав, когда металлический голос умолкнет, продолжал:

— Так вот, как все-то поразъехались, Анна и вовсе сникла. Замкнулась совсем. Шаманить даже не могла. Люди и

Они те деньги уже и не стоят ничего. Даром, значит, горбались. Надломилось что-то у них. Вместе и пить-то начали от безнадеги... Схоронили их рядом со свежей еще могилой младшего брата. Тут-то Анну совсем свернуло. Что-то сделалось с ней. Каждый божий день стала она на могилки ходить. Пойдет, постоит там, помолится. Оттуда на вертолетку сходит, там посидит на бревнах, а потом — на пристань. Долго стоит на берегу, вдаль смотрит. О чем думает, никто не знает. Только потом домой идет, мелко ногами перебирает, тихо шевелится. Совсем старухой седой стала. В сорок лет... И так вот каждый день. Каждый день, — повторил для убедительности Егор.

«Что ж ты так убиваешься?» — бывало, спрошу ее. «А как же Егорушка — мои ведь, все мои», — зальется тогда слезами. «Как же так, — говорит, — что человек своим трудом прожить не может? А как жить?»

«Ты бы себя поберегла — вон вся седая стала, исхудала, смотреть страшно», — говорю.

«Думаешь в избе легче? Схожу на могилки, помолюсь, мне и на душе светлее станет. О Полинке душа болит. Тяжко ей будет, ох тяжко», — и снова в слезы.

Часто Полинку вспоминала: «Тяжко ей будет. И я во всем виновата». Как будто знала, что наперед. Хотя как не знать, она все знала... — Егор встал, стряхнул крошки с одежды, мол, все, хватит рассиживать.

Хватит так хватит. Поехали дальше. Рыкнул с полуоборота мотор, Егор достал сигарету, долго разминал, пустил дым клубами, задумался. Оживился он, когда въехали в город. Я свернул на Омскую.

— Сюда поверни, сюда! — Егор дернул руль, чего раньше не бывало, и я чуть не врезался в идущую справа машину, но притормозил и резко рванул вправо на улицу Менделеева.

— Ты хоть заранее предупреждай, не в тайге, чай, — пожурил его. — Чуть аварию не сделали.

— Померещилось мне или вправду ее увидел, — не обращая внимания на мои слова, сказал Егор, — туда прямо, потише тут. Вот она! Вот она! — он тыкал пальцем у меня перед носом в окошко с моей стороны, закрывая видимость. Я не успел еще остановиться, он уже выскочил, побежал через дорогу, взвизгнули тормоза. Водитель «Волги» громко заматерился в открытое окно. Я пошел следом за Егором.

— Петявола, — остановился он перед Полиной.

— Здорова, Егор, — грубовато ответила она.

У Егора в глазах задрожали слезы, он хотел обнять Полину, но та отшатнулась. Полина стояла с распущенными, спутанными волосами, цветастый платок сбился на затылок, кожаная куртка распахнута. Посмотрела на своего дядю отнюдь не дружелюбно.

— Чего тебе надо?

— Я тебя ищу, Полинушка, тебя вся милиция уже неделю ищет.

— Зачем меня искать? Я вот она. Не прячусь ни от кого. У меня сеструха тут живет. Я к ней иду. Мама у нее. Вот ищу. Не помню, где сеструха работает. Знаю, что контора такая кирпичная. Мама у нее должна быть, — заключила она и уставилась в землю. — Маму ищу, у сеструхи она, — повторила упрямо.

— Не найдешь. Светку в другое место перевели. Туда так просто не пускают — охрана.

— Меня пустят: она же сеструха моя... Я кушать хочу. Два дня не ела. Маму ищу, — как-то быстро перескакивала Полина с одного на другое.

— Мама умерла. Зачем ее здесь ищешь? Поехали.

— Куда? — насторожилась Полина.

— В гостиницу.

По дороге Полина жевала булку с колбасой, запивая «Фантой». Егор загодя купил еду: «Она ведь голодная столько дней». Он не сомневался, что найдет ее сегодня. Как он мог знать, что найдет?

— Дай закурить, — обратилась она к своему дяде.

— Тебе в больницу нужно, — Егор протянул сигарету.

— Не хочу я в больницу. Меня снова в психушку положат, а я не псих. Я убегу оттуда, — не на шутку заволновалась Полина и забилась, словно птица в клетке.

— Мы не в больницу, в гостиницу тебя везем, а завтра на вертолет и вместе с Егором домой, — разрядил я обстановку.

Полина успокоилась и до самой гостиницы сидела тихо, попыхивая сигаретным дымом.

В гостинице для коренных жителей места были. Полину поселили к женщинам из ее селения, а мужская половина была и вовсе свободной. Егор занял одну из четырех пустовавших коек. Нам никто не мешал за чаем продолжить разговор. Егор заметно оживился. Для него ничего необычного в том, что мы нашли Полину, не виделось. Он с самого утра и весь день ни на минуту не сомневался, что племянница его найдется. Завидуя его оптимизму, я объективно оценивал шансы и понимал тщетность наших усилий. Теперь же ловил себя на мысли, что вся эта невероятная история не могла иметь другого конца. А с другой стороны, мой здравый рассудок сопротивлялся: как можно найти человека в двухсотпятидесятитысячном городе? За один день. Притом, что милиция уже неделю прочесывает город вдоль и поперек. Не иначе, тут не обошлось без невероятной чертовщины или, может, Божественного промысла. Егор, видимо, призвал на помощь всех Богов, и не только.

— Я как сюда-то собрался, на могилке Анны побывал. Она мне сказала: «Все хорошо будет», — словно читая мои мысли, начал Егор. — Я знал, что найдем Полину.

— Как же можно знать, если ее неделю милиция найти не могла? Это просто случайность.

— Завтра вертолет. Мне ее завтра увезти нужно. А без нее мне возвращаться нельзя... Случайность... — упрямо забубнил Егор.

— Егор, а как же Анна ходила на кладбище? Она что — выздоровела? — решил я направить его на продолжение прерванного в аэропорту разговора.

— Нет, трясучая не покинула ее. Реже, правда, приступы стали. Бывало, упадет прямо в лесу, отлежится и дальше идет, а то и в поселке скрутит ее. Потом, правда, собака ей помогала, Карай. Шибко умный пес был. Без него шагу ступить не могла. И он без нее ни-ни. Куда она, туда и пес. Все рядом ходит тенью. Как только у ней приступ приближается, руку лизнет, взлает — знать даст. Она домой быстрее — приляжет. Как он это знал — не ведомо. По-нашему собака не может в доме жить. А вот Карай у нее дома, как человек, жил. Только постелька у него у порога была сделана — так, фуфайка старая. Собаке-то у порога лучше.

— Откуда такая собака?

— Полина из интерната привезла, — Егор затыкнулся, долго выдавливал из себя дым.

Глава VIII

На новом месте Полина привыкла быстро. Старших девочек, соседок по комнате Вику из соседней деревни и Нину из ее же улицы, она знала и раньше. В школе-интернате ей даже понравилось. Чисто везде, уютно. Только по маме скучала.

Ей нравилось дежурить на кухне. Повариха тетя Маша спрашивает, бывало, заранее зная ответ:

— Что будем готовить на ужин, Полюшка?

— А это... пюре из картошки, — скажет тихо и покраснеет девчушка.

— Картошку так картошку, — тетя Маша достает остатки из мешка, и садятся они чистить.

Стружка, извиваясь, падает в ведро, белые клубни бросают в кастрюлю с чистой водой. Тетя Маша все это время о чем-то рассказывает: как в школе училась в большом городе, как на барже они с родителями плыли по бесконечному Ваху в Ларьяк.

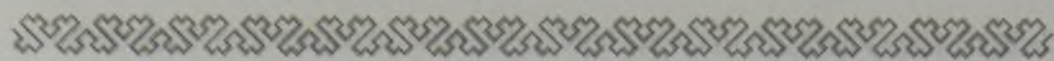
— Мне тогда восемь лет исполнилось. В церкви нас поселили. Так и жили — каждый в своем углу. Кто только до греха такого додумался: людей в церковь поселить? Мне все запах лампадок чудился, как у бабушки в деревне. Потом расселили всех по квартирам, а церковь разобрали по бревнышкам. Теперь и свечку негде поставить. Родители у меня умерли. Так и живу. Муж в город подался, а меня с собой не позвал... — нож в ее руках замирает...

Задумается. Зашемятит сердце. Капнет слеза на острие ножа, разлетится на множество мельчайших осколков...

То про сторожа одноногого начнет рассказывать:

— На войне ногу потерял.

Полине не понятно, как ногу можно потерять, и она себе придумывает сама, как потерялась нога деда Антона. Ей



вдруг покажется, что вот дед Антон проснулся утром там, на войне, а ноги нет. И он ищет ее то под подушкой, то под кроватью, а ее нет. Он хватается за голову и плачет. Полина видела как-то старого сторожа в слезах. Тот выпьет, бывало, и душит его прошлое своей жестокой натуральностью.

— Досталось ему. Один теперь на всем свете. Жена умерла, а детей у них так и не было, — смахнет слезу повариха.

— Как это — один? Вон сколько людей в деревне! — Полина даже рукой повела, как взрослая.

Нравится тете Маше эта девчушка. Сердце доброе у ней. И непосредственность детская, и искренность подкупает эту грузную, с виду суровую женщину, повидавшую на своем веку всякого: и несправедливых укоров, и насмешек от односельчан. А тут и выговориться можно без опасения, что осудят.

— Он добрый и все умеет по дому. Хозяйственный. Как сошлись мы с ним, сердце мое оттаяло, а то и жить не хотелось.

— А моя мама тоже одна осталась дома... — теперь уже Полинка смотрит невидящими глазами в окно.

— Там косточки твоему щенку приготовила да объедки кой-какие. Так и сидит под порогом, тебя дожидается, — вздохнув, переводит разговор на другое тетя Маша.

— Я его домой возьму. Маме. Он ей понравится. Я уже придумала, как звать его буду, — Караем.

Щенок месяцев четырех прибился в школу-интернат. Нашел себе убежище под крыльцом с черного входа. Полина его подкармливала, и щенок, отзываясь на ласку, признал ее и даже защищал, облаивая мальчишек, норовивших дернуть девочку за косичку. Сорванцы нарочно иногда толкнут девочку, вызывая ярость щенка. Он отчаянно бросится на обид-

чиков, схватит попавшуюся штанину с таким остервенением, что мальчики убегают, оставив Полинку в покое. А защитник подбежит к Полине и смотрит в лицо: «Вот я какой» — говорят его светящиеся счастьем глаза.

Так же молча, как и провожала, встретила доченьку Анна. Каникулы-то недолгие. Что тут радоваться: не успеешь наглядеться на ненаглядную свою Полинку, как снова в дорогу собирать. Она не сразу даже заметила, что тот повзрослевший шенок, что выскочил из вертолета вперед всех, бежит всю дорогу за ними. И только перед самой дверью в дом спросила:

— Чья собака с вами прилетела? Смотри-ка, за нами увязалась. Уходи, уходи, — махнула она рукой. — Негоже приваживать чужих собак. Одного хозяина должна знать.

Пес одним скачком очутился рядом с Полиной, прижался спиной и залаял, но не злобно, а как бы говоря: «Мы вместе».

— Это Карай, мама. Я тебе его привезла. Он хороший, он тебе понравится, — поглаживая своего друга, торопливо сказала Полина.

— Карай? Когда-то у нас был Карай. Я маленькой была, как ты сейчас.

— А я знаю, мне баба Фрося рассказывала, — Полина поставила сумку на снег.

Карай, словно понимая слова, лизнул ее руку, затем подбежал к Анне и сел рядом с ее ногой. Она почувствовала тепло от прикосновения, присела, взяла двумя руками хитроватую морду и внимательно посмотрела в желтые с грустинкой глаза. Теплый язык беспардонно скользнул по лицу, губам, не дав возможности Анне что-либо сказать, и она рассмеялась, отшатнулась назад, потеряв равновесие, повалилась в снег. Полинка, взвизгнув, подбежала, навалилась на маму, пытаясь натереть лицо снегом. Анна громко захохотала, увер-

нулась; бросая высоко снег, поднимала белую пыль, искрящуюся на солнце. Они кубарем катались в снегу, не замечая прислонившуюся к углу дома старую Ефросинью. Вокруг слаем носился Карай и хватал своих хозяек за одежду, руки, ноги. Каждый радовался своему маленькому счастью.

Глава IX

С появлением Карая, этого рыжего непоседливого и вездесущего вихря, жизнь Анны приобрела какие-то новые, доселе неведомые очертания. Началось с того, что непривыкший к поводку Карай пролежал сутки, отказываясь от еды. Нет, он не срывал ошейник, не извивался ужом, пытаясь выползти из ненавистной петли. Он безропотно дал себя поневолить, залез в сделанную Егором новую конуру и, лежа на мягкой подстилке, смотрел потухшими глазами на ограниченный поводком мир.

— Лежит в конуре целый день, смотреть жалко, — комментирует Анна, зная, что Ефросинья стала слаба глазами и различает только свет да очертания предметов. Предлагали операцию на глазах, но она отказалась. Мол, сколько той жизни осталось.

— Ничего, обвыкнется, — пытаюсь успокоить Анну, тихо говорит Ефросинья. Сама же смотрит подслеповатыми глазами в сторону приникшего пса, покачивая головой, словно не согласна с собой.

— Не привыкнет, однако. Ошейник камнем к земле его прижимает. Он свободой надышался. Не могу смотреть, как он мается, — Анна наклонилась, сняла ошейник. Карай поднялся, брезгливо тряхнул загривком, освободившись от ненавистного ярма, умыл хозяйку языком, толкнул передними

лапами. Анна, как и в первый раз, повалилась на спину, засмеялась:

— Не сердись, Карайчик, не надену больше ошейник... никогда, — она встала, отряхнула снег.

Карай уже летает вокруг избы, бороздя глубокий снег, и после каждого круга подбегает к Анне, подпрыгивает, прицеливаясь языком в лицо. Анна ловко увертывается: «Ну, будет тебе, будет».

— Зайди, соседка, чай пить будем, — Анна открыла дверь, остановилась на мгновение в дверях, пропустила вперед Ефросинью. Та нащупала ногой порог, шагнула в избу.

Сама же вытащила собачью подстилку из конуры, бросила в избе у порога. Карай тут как тут — сел у открытой двери, не решаясь переступить порог.

— Иди ко мне, иди. Вот место твое, — потрепала рыжий загривок Анна.

— На того вашего Карая похож? — спрашивает Ефросинья.

— Похож... Место свое признал, а к столу не подходит. Умный, — кивает в сторону собаки Анна. — Здесь жить будет.

Анна помогла Ефросинье пройти к столу, усадила, посмотрела на старуху. Нелегкая жизнь досталась этой хрупкой женщине. Казалось — каждый день оставил свой след на ее лице. Некуда уже ставить отметины... Замерло сердце Анны. Последнюю зиму, однако, зимует ее добрая соседка.

— Что замолчала? — насторожилась Ефросинья, будто отгадала ее мысли.

— Смотрю на тебя, тетя Фрося, и думаю: тяжело тебе в жизни пришлось. Ох-хо-хо! — вздохнула тяжело Анна.

— Тебе, что ли, легче было? С мальства ведь тебя помню. Роды у Евдокии, твоей мамы, принимала. Крепенькой ты родилась. Красивой была, голосочек зво-о-о-онкий. Только

рано отзвенел твой колокольчик. Вон какую ношу с пятнадцати годов тянешь. Сейчас вот не вижу обличье твое. Седой, поди, совсем стала, — старуха потянула руку на звук поставленной кружки. Анна помогла найти — не обварилась бы горячим чаем. — Помирать пора, в нижний мир собираться. Зря только землю топчу. Кому от меня польза... — Ефросинья отпила чай, взяла из руки Анны пряник, макнула в кружку.

— Не говори так. Не ты — мне бы не выжить. Дневала-ночевала у меня, уму-разуму учила. Совсем-то несмышленишем была... Испугалась я тогда... Думала, не справлюсь.

— Так то когда было... А сейчас только одного хочу: дожить до весны. На солнце поглядеть. Оно теперь не слепит меня, как раньше. А потом и в нижний мир можно собираться. Все мои уже там. Одна осталась. Сын маленьким умер, муж с войны не вернулся, а родителей своих, как и ты же, в молодости похоронила. Сгорели они в избушке, а меня чудом спас молодой учитель Ефрем Максимович. Его прислали к нам издалека. Потом замуж за него вышла в семнадцать лет. Давно это было...

Так женщины частенько сиживали длинными морозными вечерами, вспоминая свою горемычную жизнь. Анна каждый день чистила дорожку от своего дома к Ефросинье. Старуха легко находила натопанную тропинку. То у одной посидят за чаем, то у другой для разнообразия. Их связывало общее прошлое. Одними тропками ходили по этой жизни, из одного котла хлебали и радости, и горести.

— Морозная, однако, зима выдалась в тот год. Анна всю зиму из дому не выходила, — Егор не спеша пил чай в прикуску с сахаром-рафинадом и так же не спеша подробно рассказывал дальше: — Ну, разве что ко мне иногда забредет, да к Ефросинье похаживала по-соседски. На кладбище с моро-

Как-то по осени пришла к Егору:

— Собираюсь я, братец, в избушку дальнюю. Ваях-кенте — зверя ловить.

— Одна, что ли? — опешив от неожиданности, спросил Егор.

— Нет, не одна — с Караем, — она погладила своего верного друга. — За ружьем пришла.

— Яшкино возьмешь, оно почти новое, — после короткого раздумья сказал Егор. — Какого зверя ловить?

— Полинка большая уже. Скоро замуж. Белок добыть нужно, да так, что попадет, — заключила Анна сердито. Не нравится Анне вопрос брата. «Зачем спрашивает, — думает она. — Нельзя загадывать наперед. Кушать неубитую утку негоже».

— Жених сам калым принесет за такую невесту, — Егор достал ружье в брезентовом чехле. Все ружья умерших братьев хранились у него.

— Ей вон в зиму одеть нечего. Большая стала, стыдно от людей.

— Ну, что ж, раз решила, — Егор знал, что слово Анны всегда твердое, — нужно спешить до снега по воде добраться. Я тебе все покажу, да рыбы на зиму поймать нужно. Кулемки обновить нужно, слопцы поправить... Приманку разложить.

Анна кивнула головой в знак согласия.

— Я там девчонкой с родителями была. Отец стрелять учил. Смутно все помню, — она поставила кружку с чаем на стол, задумалась.

— Лет-то сколько прошло... Я избушку другую поставил, та землянка завалилась совсем. Ледник там сейчас.

— А помнишь, как мы все вместе до самого снега там жили? А потом на оленях домой добирались, — Анна оживилась.

Они сидели тихим осенним вечером, пили чай и вспоминали те далекие годы счастливого детства. Егор был младше ее, Тихон и Спиридон озорные карапузы требовали по-

стоянного внимания: глаз да глаз нужен за ними; Яшка совсем маленький в зыбке, подвешенной к потолку, все больше спал. А как проснется да заорет, его и качнет кто ближе. Егор, бывало, пнет его чуть не к потолку, Анна ругает, как взрослая, а того еще больше разбирает. Ждет случая снова бузнуть зыбку посильнее. Его беззаботность, мальчишеское озорство тогда вызывали зависть у старшей сестрички, хотя и у него были свои обязанности: дров принести, за малышами присматривать, да и мало ли чего нужно сделать, когда рук не хватает.

Придут отец с матерью вечером уставшие. Отец и спросит:

— Чем, доченька, кормить нас будешь? — а сам пока руки моет, рассказывает, как день прошел. Мама ему поливает, молчит. Нельзя хозяина перебивать. Хочется ей узнать, что ели малыши, не ревел ли Яшка, но молчит она, смотрит добрыми терпеливыми глазами на своего мужа.

— Ягоды насобирали с матерью в чистом бору, что за урманом, сетки проверили в старице: щуки поймались большие, — он раскидывает руки. — Парочку рябчиков добыл. А то все рыба да рыба. Ну, а у вас как тут? Мужички помогают тебе? — обращается он к старшей дочери.

— Помогают. Уху сварила, — Анна посмотрела на Егора, забившегося в угол.

Егор боится, что расскажет старшая сестра, как озоровал, но Анна не выдает его.

— Завтра слопцы настоужу, глухарь уже по утрам на пески выходит, — Афанасий вытирает руки. — Со мной пойдешь, Егорка.

— И я хочу, — опутив глаза книзу, говорит тихо Анна.

— Хорошо, доченька, — говорит мягко Афанасий и обнимает за плечи Анну. Она до сих пор помнит его теплые руки.

Лицо вот стирается из памяти, а теплые сильные руки отца запомнились на всю жизнь.

Отец садится за маленький столик у крошечного окна, усаживает рядом Егора, малышей. Тесно в избушке. Мама хлопчет, на стол собирает. Достает масло, хлеб нарезает. Анна подает ложки, помогает маме расставить горячие, парящие алюминиевые тарелки. Металл жжет руки, она ловко опускает на освободившееся место, отец подхватывает, ставит тарелку перед Егором, потом малышам Тихону и Спиридону.

— Ну, вы кушайте, а мне Яшку покормить нужно, — говорит мама, когда на столе все готово.

Мама берет на руки маленького Яшку, напоминавшего о себе все это время кряхтением и скрипучим криком. Надоело сидеть спеленанным в зыбке. Почувствовав свободу, он размахивает руками, сучит ножками, улыбается, а припав к теплой материнской груди, замирает. В избе становится тихо, только ложки колокольчиками звенят да слышно, как чмокает громко Яшка.

Давно это было.

Последние воспоминания о родителях.

Последний год ее счастливого детства.

Глава XI

С трудом добирались на верткой «казанке» в верховье обмелевшей речушки. Винт на мелях хватает ил, мотор подбрасывает на коряжнике, но Егор умело регулирует скоростью. Маломощный «Ветерок», а Егор, зная о мелях, специально взял именно этот неприхотливый мотор; потихоньку проталкивает лодку вверх поворот за поворотом.

Не узнала Анна сразу место. Подумала, может, не добрались еще. Все не так: изба какая-то стоит под кедром, там над обрывом навес новый — бревна еще не потемнели. Видно, этим летом слажен. Берег вроде ниже... Березы какие-то большие у самого ручья... Все не так.

Потом Егор показал старую землянку, поросшую сверху мхом, приспособленную теперь для ледника. Летом рыбу солит. Льду, да снегу набросает зимой: до августа хватает. Рыба хорошо в холоде получается. Бочки в леднике стоят пустые. Недавно только освободил. Теперь на зиму заготовить нужно.

— Поможешь неводить. Бочки заполнить нужно, — Егор пошевелил одну, другую бочки.

Анна заглянула в ледник. Через маленькое окошко слабо пробивается свет.

— Неужто раньше жили здесь? И как помещались все?

— И я о том же думаю всякий раз.

— Даже крючок остался от зыбки. Яшка здесь... — она вспомнила того голосистого малыша.

Радостно зашло сердце Анны. Она хотела еще что-то спросить, но подошел Егор, тронул ее плечо, прервав на полуслове. Не всю правду знала Анна. Не желая тревожить истерзанную душу сестры, Егор сказал ей в то скорбное время, что Яшка просто умер.

— Пойдем в дом. Чаю с дороги попьем, — голос его дрогнул, и Анне стало страшно.

Пространство в леднике сжалось, сдавило ее. Она, бросив последний взгляд на крючок в потолке, повернулась и заторопилась к избе. Больше она никогда не заходила в эту ставшую ей вдруг враждебной землянку. Она ничего не спросила у Егора. Он тоже промолчал.

За три дня наловили рыбы, насолили на зиму, напил Егор дров, поправил петли на дверях, кровлю, разложили

приманку — рыбу вдоль ручья у слопцов. Егор все слопцы проверил и, хотя Анна умела их настораживать, рассказал подробно, как они срабатывают.

— Птицу, какую добудешь, перо разбросай возле слопца да протащи по снегу: зверь-то и заинтересуется, откуда перо, да запах — сам придет.

— Знаю, отец говорил.

Вернулась Анна сюда уже по первоснежью. Дорога на снегоходе показалась не такой длинной. Несколько раз пересекали извилистый, во многих местах открытый ручей. Дух захватывало, когда на всем ходу мчались через большое болото. Анна смотрела на удаляющуюся полосу темного кедрача, на мелькающие низкорослые сосны, на неоглядную ширь белоснежного безбрежья, и в сердце поселялось нежное щемление, глаза слезились от ветра и света. Снежная пыль, летевшая с двух сторон из-под полозьев нарты, гусениц «Бурана» и подхваченная встречным ветром, позволяла лишь изредка поглядывать вперед или по сторонам. Ей ничего не оставалось, как смотреть назад на извилистый бесконечный торный путь. Карай лежал рядом, уткнувшись носом в оленью шкуру. Нарты бросало на кочках в стороны. Анна и Карай уже привыкли к толчкам и не обращали на такие мелочи никакого внимания.

Легко скользят нималь — лыжи-подволоки по привычной, хорошо наторенной лыжне. Каждое деревце ей уже знакомо, каждый взгорок, впадинка. Ноги сами бегут, глаза сами ищут означенные укромные места, руки привычно высвобождают из слопца попавшегося зверька... Но Анна думкою своею далеко... Руки ловко настораживают слопец. Карай тут как тут. Вертит хвостом — радуется. К приманке не подходит. Еще первым днем, настораживая слопцы, кулемки, капканы, она

погрозила пальцем: «Не для тебя, для зверя еда-обманка». Пес повернул голову на бок, посмотрел на хозяйку, словно что блеснуло в глазах. «Понял», — подумала Анна и уже не боялась, что попадет он в ловушку, поставленную на зверя.

Только на миг возвращается она к действительности, когда осматривает с восторгом соболька — второй сегодня. Удачный день... И снова расплываются очертания темных, стоящих частоколом кедров, исчезают звуки...

Снова Яшка смотрит на нее детскими глазами:

— Прости меня, сестрица, не вынесло мое сердце. Война мне в душу заползла холодной змеей... Каждый день взрывы, автоматные очереди, душманы с перекошенными от злости лицами и кровь, кровь, кровь... Я не виноват, что попал в Афганистан, я не виноват, что остался жив, когда прижатые к горе погибли все из нашего взвода. Только меня и друга моего Витьку нашли потом. Откопали нас, захлебывавшихся кровью погибших, из-под горы трупов. Витька из госпиталя сразу в психушку попал. Я выдержал, но как забыть, сестрица, такое.

Анна помнит, как рассказывал, будучи в подпитии, ее младший брат о той страшной войне. Из трезвого слова не вытянешь. Молчуном стал Яшка, словно немой. В каждом ему друзья-однополчане мерещатся. Стал вином раны заливать. В избушке дальней все время один жил. Одной рыбой питался. Охотиться не мог: кровь.

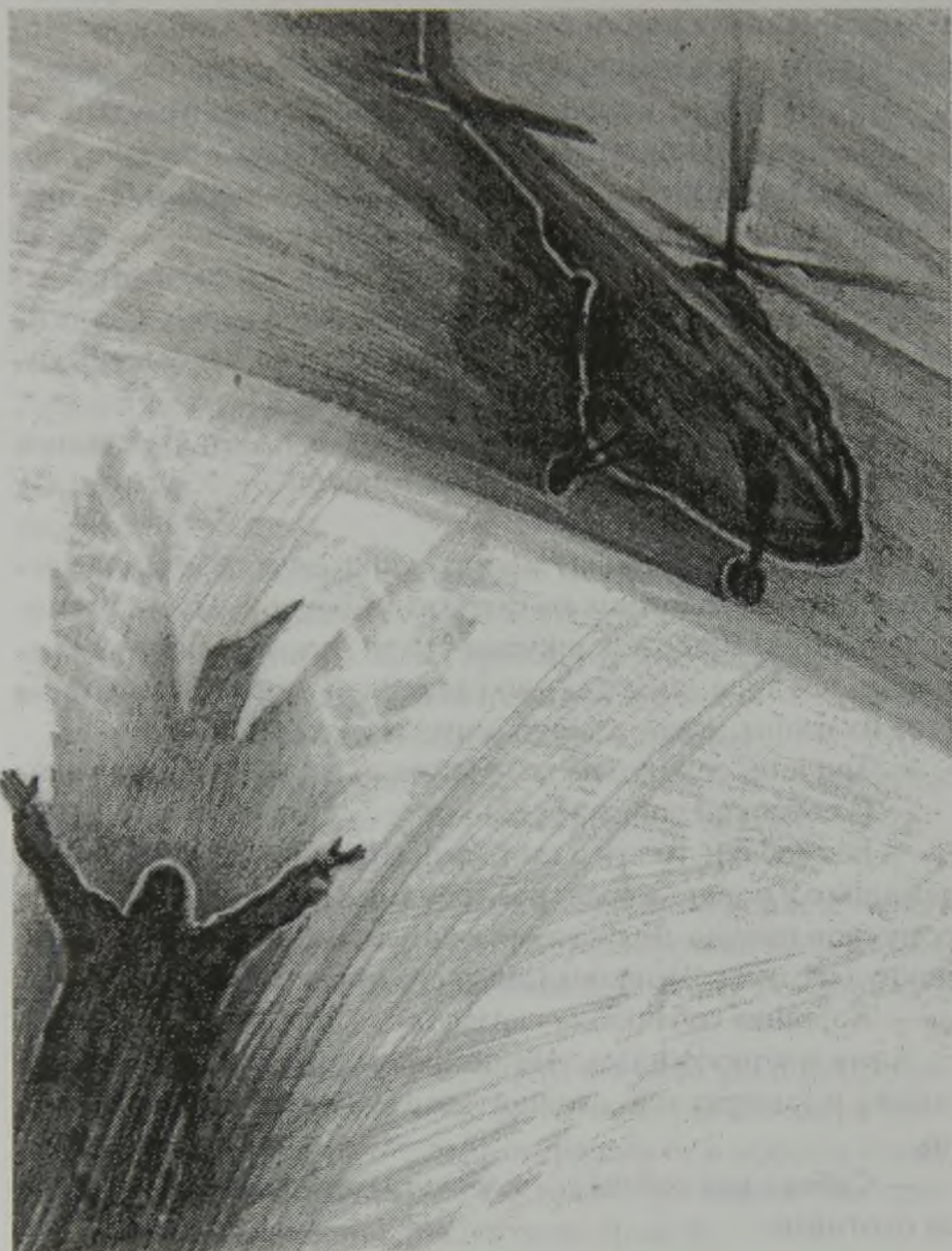
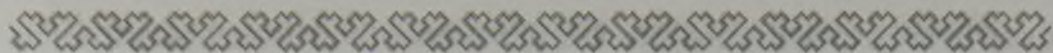
— Понимаю... Ранила тебя та война в сердце, на душу — лилель наступила. Но как же я: ты ведь сыночком мне был. Я тебя с колыбельки выпестовала. Ты дарил мне радость, давал силы жить, когда опускались руки, когда не было сил терпеть, когда ноги не держали, руки не слушались, глаза не видели, уши оставались глухими. Ты держал меня, не отпустил в нижний мир...

Вдруг Карай остановился как вкопанный. Он вытянул шею в сторону избы, до которой еще оставался длинный путь. Уши сошлись в напряженный треугольник. Анна остановилась, замерла. Оборвалась враз скрипучая песня лыж-подволока. Установилась тишина. Откинув меховой капюшон, охотница тоже прислушалась, повернув голову и приставив к уху ладонь. Тревога противной тяжестью разлилась в груди, залезла куда-то глубоко холодной змеею. Сердце встрепенулось: издали доносился звук работающего двигателя. «Это не «Буран» и не вертолет», — мелькнуло в голове, а ноги уже понесли ее в сторону избы, откуда слышался этот противный чужеродный скрежет. Карай, звонко залаяв, бросился вперед и уже не пропускал вперед свою хозяйку до самой избышки.

Поднимаясь по натеренной лыжне, Анна не сводила глаз с огромной зеленой металлической лягушки, распластавшейся на высокой площадке рядом с избой. Грохот двигателя теперь оглушал все вокруг. Исчезла тишина, исчез покой, ничего не стало слышно, только это злое рычание. Синий дым спустился в распадок ручья, растянулся сизым и вонючим своим естеством с ровным, как под линейку верхним краем вдоль березняка. От едкого запаха запершило в горле. Карай бросился вперед со взерошенным загривком, отчаянно залаял, ткнулся в одну, другую сторону, как бы выбирая удобную позицию для атаки, но от Анны далеко не убежал, словно опасался оставить ее одну. Подскочил, лизнул ей руку и снова с лаем кинулся вперед. От машины-вездехода отделились две человеческие фигуры. Увидев собаку рядом с непрощеными гостями, Карай ошетинился и зло зарычал. Анна подошла совсем близко, успокоилась. Пришельцы, одетые в камуфляжную форму, поздоровались:

— Здравствуй, хозяйка.

— Здравствуйте, — сказал тот, что держал собаку.



Глава XII

— Пожелала Анна, чтобы сватали дочь по-нашему. Меня попросила посаженным отцом быть, — продолжил Егор после паузы, смахнув слезу. — С Агана человек прилетал — ур-ку, Ананий Кадамкин — сват, вертолетом от жениха, спрашивал меня, как да что, может, какие обычаи наши не сходятся с тамошними. Все ему рассказал. «Весной ждите, говорит, по насту приедем», — Егор не спеша прикурил сигарету, попыхтел, попыхтел, улыбнулся и повел рассказ дальше.

На двух «Буранах» и оленьей упряжке прибыл жених — май-ку со своей родней и сватом. Анна уже знала этих людей. Полина рассказывала о своем женихе Алексее, о родне его. Отец Алексея Валентин Тылнин знатный охотник, свое родовое угодье имеет. Нефтяники квартиру в городе предлагали — отказался: «Оленей куда дену. Дед мой оленей держал, отец здесь живет, и я буду на этой земле жить, где дед похоронен». Люди говорят, хороший человек.

Привязали они упряжку оленью на краю селения, «Бураны» там же с нартами, груженными разным добром: свататься приехали. Рога оленей ленточками украшены, на «Буранах» ленты на городской манер через капот.

— Петявола — здравствуйте. Мир Вашему дому. Хатлан хатл пила — вместе с солнечным днем! — поприветствовал хозяев вошедший в дом Ананий. Он низко поклонился Анне, Егору. Егор узнал его, но виду не подает.

— Петявола, петявола! — ответил.

— Петявола — тихо сказала Анна.

Тихонько рыкнул Карай.

— Нельзя, свои это, — Анна махнула на него рукой.

— Пришел спросить человека — касы, люди говорят — есть у вас человек, — уже начал свою игру ур-ку.

Егор с Анной переглянулись, но ничего не ответили: не поняли, мол, о чем речь. Ур-ку постучал по полу сог-юх, своим черемуховым посохом, повернулся и вышел.

— Молчат люди, — с деланной серьезностью сообщает он «новость» жениху.

— Иди еще спроси, — отвечает отец жениха Валентин.

Снова заходит в дом ур-ку. Еще ниже кланяется он Егору и Анне.

— Пришел человека спросить, есть ли у вас человек? — говорит Ананий игривым голосом.

Молчит Егор, молчит Анна, недоуменно пожимая плечами. Побежал обратно ур-ку. Детвора на улице — следом, снежками бросают, смеются. Все взрослые в селении тоже на улицу вышли. Слухом земля полнится. Знают, что Полину сватают: красивая невеста. Жених издалека — с Агана. Редко теперь на оленьих упряжках в селении появляются. Народ вокруг оленей крутится: хорошие олени, ухоженные, упитанные.

— Молчит отец, молчит мать невесты, не знаю, что нужно, — снова говорит сват жениху и его родственникам.

— Вино возьми, какой ты недогадливый. Кто же без вина за невестой ходит? — Валентин вручает бутылку водки и отправляет свата снова в дом невесты.

— Пришел человека спросить. Есть ли человек? — спрашивает тот, низко кланяясь, и ставит бутылку на стол. В избе тишина. Слетела игривость и все напускное с лица ур-ку. Все решится сейчас. Примут угощение или нет..

— Вот теперь мои уши слышат тебя, человек с дальней стороны, — говорит Егор. — Садись, дорогой гость, чай пить будем.

Анна поставила на стол строганину, мясо добытого Егором глухаря, стопки. Подняли наполненные стопки мужчины, выпили. Сват побежал радостный через все селение.

— Нашли человека, здесь живет май-ни — невеста! — кричит он. — Давай подарки, май-ку. Отцу подарки, матери подарки, пока не передумали, — обращается Ананий к жениху весело.

И уже с подарками возвращается в избушку под хохот ребятни.

— Вот тебе, Анна, от жениха, — разворачивает он большой цветастый платок, — а тебе, Егор, шкуру выдры.

Понравился Анне платок, понравилась шкура Егору. Усаживают гостя за стол, наливают по чарке.

— Ты поешь, Ананий, а то не выдержишь до конца, — говорит Анна, подкладывая кусок глухариного мяса.

— Теперь выдержи, не впервой, — отвечает веселый Ананий, закусывает основательно. — Где же невеста? — спрашивает он.

— Такая она у нас неряха, ничего не умеет делать. Шить начнет, только пальцы исколет. Сварит суп, даже собака отказывается, — говорит для порядка Анна. — Нужна ли такая невеста?

— Мы знаем, какая мастерица Полинушка, знаем, как вкусно готовит, добрые люди рассказали, — разубеждает сват.

Снова бежит Ананий к жениху, рассказывает, какая «неумеха» его невеста.

— Скажи, что нужна она мне и такая.

— Жених говорит, что согласен он взять такую невесту, — сообщает ур-ку Анне и Егору волю жениха.

— Растеряха она у нас: пойдет дров принести, рукавицу потеряет, станет посуду мыть, перебьет всю. Как отдавать за муж? Бить будет муж такую жену, — говорит Егор.

— Не будет бить. Хорошая хозяйка наша невеста. Знаем, люди хорошо говорят, — отвечает Ананий и снова опрометью к жениху.

То бедность невесты, то еще какой изъян Егор с Анной найдут у своей Полины. Ананий уверяет в противном, каждый раз выпивая рюмку. На шестнадцатый раз Анна говорит уставшему и уже подвыпившему свату:

— Зови всех, замерзли, поди, на улице. Брюхо погреть, пусть котел поставит жених и два оленя, двести белок, три выдры и два платья пусть готовит.

На лице ур-ку появляется настоящая улыбка: дело сделано. Не зря он старался, хлопотал. А выкуп давно уже оговорен с Егором и с собой имеется.

— Устал я, Алешка, — говорит он наконец жениху, — неси калым!

Пока собирают меха в узел, мать Алексея Зоя и Валентин — отец отряхивают малицы, приводят себя в порядок, не спеша направляются делегацией в дом Анны. Следом за ними, уже слегка пошатываясь, несет калым Ананий. Старший брат Алексея с другом закололи оленя, развели костер, поставили большой котел на огонь. Народ, увидев дым от огня, услышав, что мясо оленя уже варится, подтягивается к дому Анны. Давно не сватались в селении по-настоящему.

Невеста уже в доме.

Гости поздоровались и, не торгуясь, достают шкурки, складывают на комод в углу: связки белок, шкуры выдры, отрезки на платья. Анне понравились и Валентин, и Зоя своей основательностью, несуетливостью.

— Вот невеста, — показывает на стоящую в стороне Полину Анна. Глаза у Алексея загорелись, но он остался на месте. — Садитесь рядом, — показала она молодым на шкуру оленя. Они сели на одну шкуру за маленький столик, на котором стоял уже в маленьком чайнике заваренный специально для них чай и две кружки. Гостей позвали за стол — продолжить разговор.

— Дети наши давно знают друг друга, — начала Зоя, кивнув в сторону молодят. — Мы издалека приехали, так что свадьбу сегодня сыграем, наверное, — она пытливо посмотрела на Анну.

— Сегодня и сыграем, — согласилась Анна.

И начался пир. Все люди селения пришли. День теплый выдался. Кто на улице устроился, кто в избе. Песни полились над старым Вахом, пляски пошли полным ходом. Веселится народ.

Увезли на третий день невесту. Усадила Анна сама Полину на нарты, вернулась в дом за женихом:

— Пора тебе ехать, — отец, мать ждут, солнышко уже высоко, дорога дальняя.

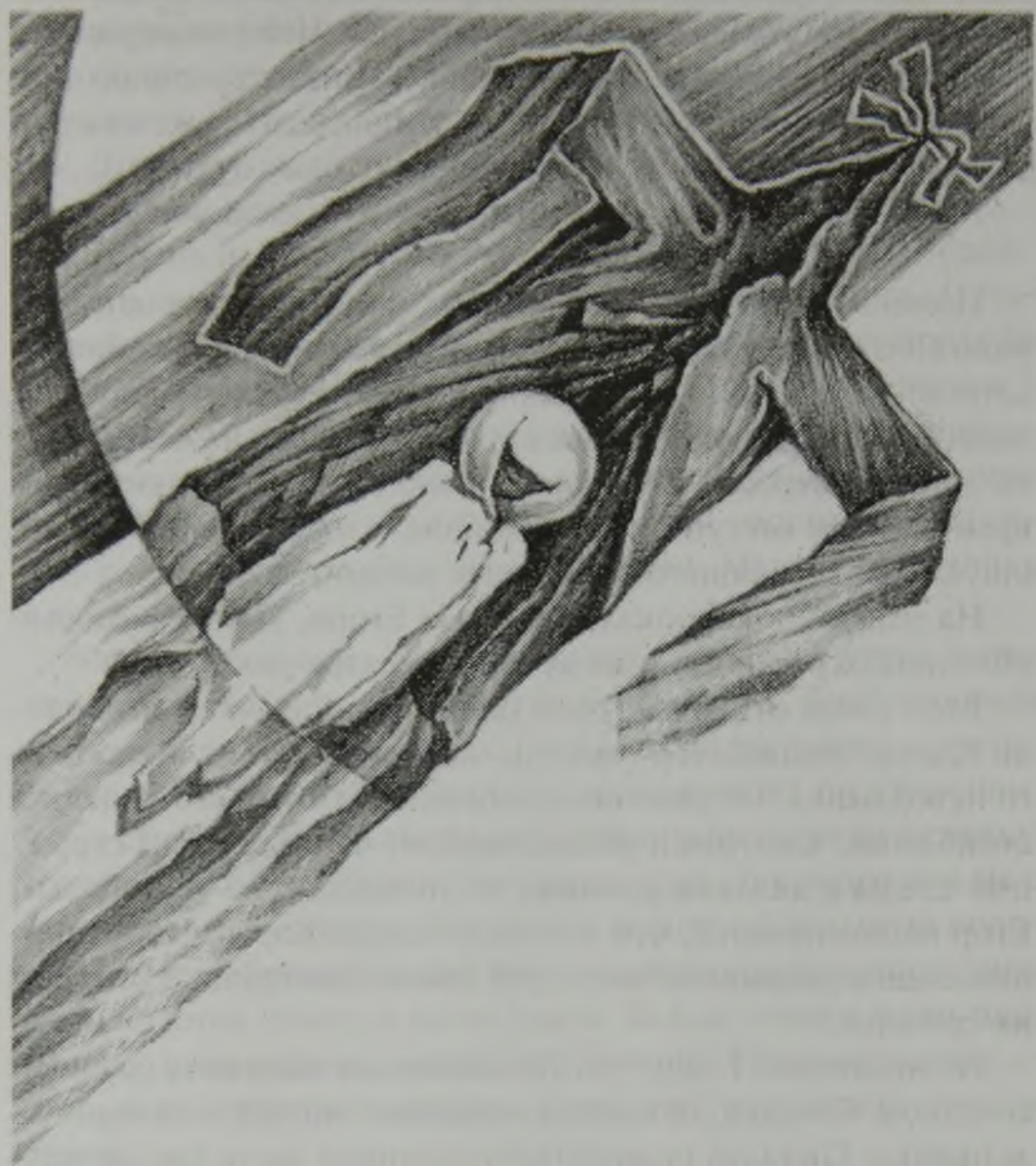
Провожала Анна свою доченьку с легким сердцем: добрые люди эти Тылнины. Знала, что не будет терпеть обиды от мужа своего Полина. Помоги вам, Боги небесные, прожить долгую и счастливую жизнь. Народите детей на радость себе и нам, родителям вашим.

И снова жизнь Анны вошла в привычные берега. Только Полина приезжает теперь от случая к случаю, а не по привычным для нее каникулам. А Карай так же, услышав вертолет, стремглав летит на посадочную площадку, так же встречает все пристающие к пристани катера и самоходки. Так же и Анна ходит почти каждый день на могилки — ленкаса-яга-пугол — юрты покойников. Только там она может поговорить с усопшими. Она слышит их голоса, задает им вопросы, они отвечают. Они спрашивают ее, и она говорит: «Все хорошо у нас, только вас нет рядом». Отрешаясь от всего земного, в эти минуты она проживает те давно минувшие дни заново. Много дум так передумала. Карай не отстаёт, а уж если нужно пробежаться, ноги размять, лизнет руку, и только его и видели. Прибежит, снова лизнет, в лицо хозяйке посмотрит — все ли в порядке?

— Бегай сколько хочешь, только не ходи к вертолету, плохие люди есть, — который раз повторяет она своему верному другу.

Глава XIII

— А потом все кончилось. Все — враз, — Егор посмотрел на меня влажными глазами, прикурил очередную сигарету, тяжело вздохнул, словно собирался преодолеть последний, самый сложный барьер. — Мне люди сказали, что Карая увезли вертолетом. Какой-то высокий усатый мужчина. Он с собакой выходил, с сучкой в охоте, видимо, и Карая прыгнул за ней в машину. Это прошлой осенью случилось. Сын Полины Сережка как раз в первый класс пошел... Анна слегла. Долго, однако, болела. Никого не пускала к себе. Принесу ей рыбы, хлеба да так чего-нибудь покушать — молчит. Что ни спрошу — молчит. Только один раз сказала, заливаясь слезами: «Белого Старика видела...» — «Что, — спрашиваю, — сказал Старик?» — «Не буду говорить, не хочу злых духов тревожить». Ни слова больше от нее никто не слышал. Молча ходила на кладбище. Худая стала. Откуда силы только брались. Рыбки немного настругает, чаю попьет — и вся еда. Как морозы установились, дома затворилась. Пришел как-то к ней, а ее нет дома. Изба уже холодная, ночью не топилась. Следы замело: всю ночь метель гуляла. Соседей спрашиваю: не видел ее никто. Я «Бураном» все объездил, никаких следов не нашел. В сторону кладбища не один десяток раз смотрелся, все напрасно. Людей поднял, все прочесали, не нашли. До Полины весть недобрая дошла. Бросила она все, примчалась. «Искать, — говорит, — маму буду».



Егор уже не мог владеть собой, он вытирал слезы рукавом, часто останавливался, собирался с силами, продолжал дальше. Ему нужно было выговориться. Нет сил держать в себе столько нерасплесканного горя и неизлитых страданий. «Где же, — спрашиваю, — искать будешь, если я уже каждый метр обшарил». А она все свое: «Искать маму буду».

Мы с ней по-новому все прочесали — не нашли Анну.

Полина поселилась в своем родном доме, где все напоминало ей о маме, каждая вещица возвращала ее в беззаботное детство, но душа не находила покоя. Приходили односельчане, пытались успокоить, утешить ее. Соседка, поселившаяся в доме умершей Ефросиньи, как-то принесла вина. На время ее горе отступило. Утром болела голова, тошнило, но ощущение вчерашнего вечера она запомнила.

На лыжах-подволоках, взятых у Егора, Полина упорно обходила окрестности уже не один десяток раз.

Егор узнал от людей, приехавших из Ларьяка, что видели Карая, бродившего у школы-интерната. Сбежал от своего невольника. От еды он отказывался. Потом его видели в стойбищах. Охотники рассказывали, что находили странные следы в далеких урманах не то волчьи, не то собачьи. Егор не сомневался, что это были следы Карая. Направление следов указывало на то, что собака двигалась в сторону их селения.

Не нравилось Егору, что Полина стала выпивать со своей соседкой. Соседка, одинокая женщина, потеряла семью из-за пьянки. Пытался пожуричь племянницу, но та уже не прислушивалась к его словам.

— Я сама знаю, что мне делать, — грубо обрывала она его нравоучения. — Ты маму найди, а не учи меня, — говорила, словно укоряя его.

Уже первая капель напомнила о приближающейся весне, хотя на календаре-то давно уже весна. Наст окреп, и можно было больше обходить на лыжах. Полина сначала шла пешком по наторенной буранице, затем надевала лыжи и обходила все небольшие гривки, бороздила болота вдоль и поперек. Днями теплело, подтаивал снег, налипал на лыжи, и она прекращала поиски. Вечером приходила подружка...

Тот день начинался обычно. Полина прошла по буранице больше, чем вчера. Каждый день так получалось. Остановилась, решая, куда направиться сначала. Ноги понесли ее сами. Только у самой гривы она стала всматриваться в снежные наносы на пеньках, наклоненных стволах деревьев, некоторые коряги уже освободились от снега. Редкие тени низкорослых сосен по краю гривы распятали снежную равнину разнообразными узорами. Мысли запутались в кружевах.

Вспомнился сон, что приснился под самое утро: долго пробиралась на лыжах через высокие горы. Луна сменяла солнце, а она все шла и шла. Ни птиц, ни зверей не встретила она на своем пути. Скалы отвесные стоят по сторонам. Лица стариков на скалах по обе стороны смотрят на путницу. Поклонилась им Полина, дальше пошла. Так долго она меж скал петляла — дорога долгая, так вышла на большую поляну. Свет серебряной рекой течет полноводной, а посредине юрта золотая стоит, и возле юрты Белый старик Алли-ике. Лицо у него доброе, знакомое Полине. Присмотрелась — лицо отца с той фотографии смотрит на нее, только борода седая.

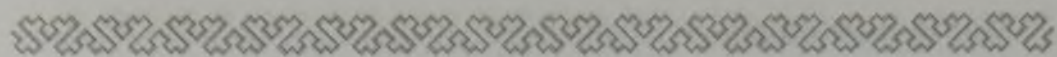
— Маму ищу, — говорит Полина, — не скажешь ли, в какой стороне искать.

— В ту избу иди, дальнюю, — махнул рукой Старик. Еще что-то сказать хотел, но проснулась Полина.

Опамятовалась от видения Полина, смотрит: идет уже по краю гривы вдоль ручья. Бывала она когда-то здесь с Егором, знала, что в верховьях ручья избушка есть. Угодья деда, а теперь Егора. Рассказывал как-то, что мама там охотничала. Она шла по высокому месту. Внизу занесенный снегом ручей, справа чистый сосновый бор, в глазах рябило от теней и солнечного блеска. Чувства ее обострились, что-то заставляло всматриваться в каждую тень. На пригорке снег уже подтаял, местами обозначились углубления вокруг деревьев, обнажая зеленый брусничник. Вдруг ее привлекла какая-то коряга у самого распадка. Сердце затрепетало, ноги побежали... Она остановилась как вкопанная: из-под снега виднелась рука, державшаяся белыми восковыми пальцами за вывороченный корень. На среднем пальце Полина увидела знакомое серебряное кольцо. Брызнула в глазах яркая вспышка, оборвалось внутри, Полина отпрянула в сторону, побежала в глубь гривы. Из-под самых лыж, из снежной глубины, громко хлопая крыльями, разбрасывая снег, поднялась копалуха и, набрав высоту, развернулась, протянула вдоль ручья, усе-лась на верхушке сосны недалеко от того страшного места. Полина, словно зачарованная, не сводя глаз с птицы, тихо переставляя лыжи, приближалась к дереву. Копалуха с лицом матери не шевелилась. Мама смотрела на нее, и слезы капали из ее неподвижных глаз на снег большими каплями, гулко ударяясь о твердый наст. Большой стала птица. Полина уже различала ее крепкие лапы, обнимающие толстую ветку человеческими пальцами. На среднем пальце — серебряное кольцо...

— Мама! — крикнула громко Полина. «Мама!» — эхом отбилося от противоположного берега. «Доченька моя! Доченька моя!» — дробилось по бору.

Копалуха распахнула крылья, закрыла солнце.



Света не стало.

Холодом дыхнуло в лицо.

На время все исчезло.

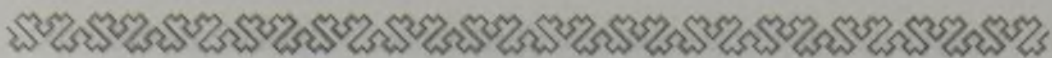
Полина раскрыла глаза. Кроны высоких сосен беззвучно висели в вышине. На лице растаял снег, смешавшийся со слезами.

Улетела душа мамы.

Куда улетела?

Встала Полина, пошатываясь, отряхнула лохмотья снега и побрела домой, не замечая ничего вокруг.

— Душа Анны в нее вселилась, — сказал после паузы Егор. — Сама не своя стала. У нее в глазах огонь погас. Со всем другие стали глаза. Похоронили Анну рядом с Яшкой, по другую сторону — Ефросинья. Сама выбрала это место. Полина, как и Анна раньше, не плакала. Чернее земли лицо сделалось. К мужу она больше не вернулась. В доме Анны жила. Алексей приезжал, упрашивал. Вместе с сыном приехал, отмахнулась: «Уходите, маму искать буду!» — «Похоронили маму», — говорит ей Алексей. «Нет, — говорит, — она ушла в избушку. Мне отец сказал. Искать ее буду». А весной Карая нашли в зимовье, где охотились когда-то с Анной. Все сухари съел. Столько голодом бродил, ни из чьих рук еду не брал. А тут родной дух. Не выдержал желудок... Не дотянул он до селения... Нашли его под навесом. Вот так... К нему она шла... Один поворот остался. Немножко не хватило сил. Трясучая ее одолела, а Карая рядом не было. Она знала, что ее Карай в избушке, а ты сомневаешься... С тех пор вот и ищет маму Полина. Она и в Новоаганске у брата была, и в Ларьяке искала, вот в Нижневартовске уже второй раз. Год уже бродит как неприкаянная. Только про избушку не вспоминает. Боится... — закончил Егор и затих, уставившись в окно.



Егор протер глаза кулаками, покачал головой, достал фотографии. Я отметил, что Полина ходит на свою мать. Пообещав, что завтра утром отвезу их в аэропорт, я попрощался.

Желающих вылететь вертолетом было значительно больше, чем посадочных мест, поэтому давка образовалась невообразимая. Вышла из диспетчерской знакомая уже мне Валентина:

— Сегодня борт заказан для детей. Группа детей летит из дома отдыха, так что возьмем только шесть человек, — объявила она не терпящим возражения голосом. И прочитала список. Егор и Полина значились в числе счастливиц.

После этих слов люди безропотно побрели обратно в гостиницу. Тихо, без лишних слов, без ругани и скандалов. «Ну что поделаешь — в субботу улетим».

Привезли детей. Они дружной стайкой вышли из автобуса, сложили свои сумки, пакеты в кучу. Видно было, что они уже привыкли к переездам и действовали довольно организованно. Руководитель группы молодая воспитательница громко скомандовала:

— Далеко не расходиться. Оля, — обратилась она к девочке постарше, — посмотри за порядком. Володя Кунин, вернись обратно! — крикнула она озорному мальчугану.

Среди детей оказался и сын Полины Сергей.

Она подошла к нему.

Не обняла его, не расцеловала, как делает любая мать после долгой разлуки с ребенком, а как-то развязно сказала:

— Сережка, дай мне соку, я уже неделю ничего не ела, — и попыталась взять из его рук пакет.

Сережка отдернул руку, повернулся к ней спиной, опустив голову. Он стеснялся своей матери.

О ЧЕМ ДУМАЕТ КУЗЬМА

* * *

— О чем задумался, Кузьма?

— Как жить, думаю, — вздохнет тяжело, не отводя взгляда от огня.

В наступившей темноте лицо его то вспыхивает, то вновь сравнивается с ночью. Костер уже прогорел и пышет красным жаром. Кузьма поворачивает падаушку, пыхтит. Надувая щеки, он сдувает дым, вертит головой, уворачиваясь от надоедливого, отдергивает руку от углей.

Возникшая пауза нас не тяготит.

Я ищу заварку в кармане рюкзака, не отрывая взгляд от красноокого затухающего костра и от задрожавшего наконец-то чайника. В густой темноте глаза не помогают. Пальцы натываются на рассыпанные спички, жирный на ощупь свечной огарок, какой-то патрон. Ага — пулевой. Варежки... Шелестнул под пальцами полиэтилен... А вот и искомый пакет с заваркой. Достая вслепую, на ощупь открываю и высыпаю сначала в руку, оттаскиваю чайник на край уже горячей поперечины и засыпаю в притихший кипяток. Чайник зашипел открытой пастью и поперхнулся от неожиданности. Крышки у этого чернопузика отродясь не было. Сколько чаю вылебали из этого гнutoго чайника с

алюминиевой проволокой вместо ручки? Сколько раз обогрел он нутро замерзающим путникам?

Кузьма снова поворачивает падаушку — распластанную щуку, насаженную на специально выструганный деревянный шампур.

— Квартиру предлагают, — продолжает он. — Как думаешь: на каком этаже брать? Мне сказали, что выбрать можно.

— Ну... — я отвернулся от кстати навернувшегося дыма, дающего мне возможность посоображать, — второй, третий обычно самые ходовые.

— Нет, — подумал и отмахнулся от дыма Кузьма, — по-нашему, в лабазе не живут. На земле жить нужно. На первом возьму.

Снова тишина.

Я знаю, что Кузьма давно решил, на каком этаже будет жить, но проверяет, совпадет ли его мнение с моим.

Часто не совпадает.

Мы разные...

** * **

Как-то по дороге на стойбище решил Кузьма проверить мордушки.

— Давно не смотрел. А на обратном пути еще раз проверим, — прокричал он, перебивая ревуший двигатель снегохода.

Я кивнул головой.

Свернули с накатанного зимника. В лесу прямой дороги не бывает. С надрывом ползет «Буран», продираясь сквозь густой кустарник, пересекаем ручей один раз, другой, выбираемся из тесноты ивняка, и уже березки захо-

роводились во-круг, потом горельником прошлись, снова ручей. Кузьма пытается держаться старой бураницы — уже заметенного местами следа снегохода. Солнце то слева, то спереди, то уже с правой стороны мелькает сквозь молодняк. Долго петляем. Устал уже уворачиваться от свистящих веток, норовящих съездить по физиономии. Кручусь на нартах, как чебак на крючке. Наконец-то вырываем из-под густого куста ивняка, и снегоход прытко устремляется вниз к реке.

Кузьма глушит мотор. Тишина непривычно звенит в ушах. Пока я прихожу в себя, разминаю ноги, отряхиваю налипший снег, Кузьма уже работает пешней. Со стороны кажется легко, с лендой — тюк, тюк, тюк. «Ук, ук, ук» — отбивается от высокого противоположного берега эхом. Лед брызгает шелестящими осколками.

— Дай потюкаю.

— На! Я пока вариаторный ремень подтяну — буксует. Кончается уже. Тама заменю, — махнул Кузьма в сторону стойбища.

Сначала пешня летает играючи. Но получается не так ловко, как у друга. Не после каждого удара удачно скалывается лед, приходится ударять несколько раз в одну точку. Кузьма дважды в одно место не бьет. Снимаю шапку, расстегиваю меховую куртку. Согрелся, однако, быстро. «Тюк-тюк-тюк». Стало жарко, снимаю куртку. Увлёкся, пот уже струится ручейками. Я и не замечаю, что Кузьма, управившись со снегоходом, стоит сбоку и улыбается:

— Что, сало топится? Совсем жирным стал. Чаше в лес ходить нужно.

Я молчу, чтоб дыхание не сбивать. Снимаю свитер. Снова вколачиваю с силой пешню в неподатливый лед, выбрасываю крошево ногой.

— Скоро и майку снимешь, — Кузьма берет из моих рук пешню. Я и не противлюсь — устал.

«Тюк-тюк-тюк». Кузьма не частит, бьет реже, но взмах ловкий, и лед откалывается большими кусками. Работает легко и, кажется с ленцой...

Уже на стойбище, потягивая ароматно заваренный чай со смородиновыми ветками, я спросил Кузьму:

— Почему ты запетлял, как только свернул с зимника? Там же напрямую от дороги до реки не больше двух-трех километров, а наворочали все десять.

— Так... от людей прячусь. Напрямую натопчешь след — пешком ходить будут, мордушки проверять будут, — он поймал взглядом синичку за окном, отвлекся. Желтобокая птичка по-хозяйски прыгала по кормушке, словно изучала запасы подсыпанного Кузьмой корма, цвикнула, клюнула, оглянулась. Подлетели еще две подруги. Кузьма улыбнулся, показывая чашкой в окно.

— Рыбы не жалко, — продолжал он, — пусть возьмут, сколько нужно; мордушку вморозят: бросят как-нибудь. Человек, когда ворует, — спешит. В прошлую зиму сетку вморозили, так и пропала. Пока выдалбливал — всю порвал. Им лишь бы рыбу снять...

* * *

Приехал Кузьма в поселок, где в то время я работал в амбулатории, размещенной в бараке, каких там было множество. Почитай, все жили в таких приземистых длинных щитовых бараках на несколько семей каждый. Возводились они на скорую руку, а потому, несмотря на их скромный возраст, многие покосились боками или прогнулись хребтами, что, при их наружной серости, вызывало к себе жалость со сто-

роны редких гостей и понятное равнодушие жильцов. Все примелькалось, свыклось.

Кузьма сначала посетовал:

— Избы у вас схожи, улицы тоже — спутать можно. Только по белым занавескам нашел больницу, а там уже и дом твой, — начал он.

Воздух тоже здесь другой, и людей много, и шумно от машин. В то время Кузьма постоянно жил на стойбище, и суетная жизнь ему казалась пустой и зряшной. Вот в лесу — там жизнь. «Как люди живут? Как муравьи копошатся», — бросил он в сердцах, пока я возился на кухне.

— Шибко зубы ломит. Ни днем ни ночью покою нет, — за чаем поведал он.

Я теперь уже знаю, что, пока чаю не «пошвыркаем», о деле Кузьма толковать не будет. Не любит на ходу трещать. Вот сядем, чаю нальем, нутро согреется, вот тогда и разговор клеится и сам собой ведется как надо. Теперь-то я знаю. Уже два года знакомы.

— Полечим у меня, — говорю, — а вот вставлять в Мегионе придется, но там платно... У меня протезистов нет.

— Кого нет?

— Тех, кто вставляет зубы.

— А-а-а, — понимающе протянул Кузьма. — Но у меня нет денег. Рыбу сдали еще два месяца назад, а деньги не заплатили, но шкурки есть: два соболя, лиса, белки... Маленько охотился...

— Договоримся, доктор там знакомый...

На том и порешили.

Время до вечернего приема стоматолога еще было, и мы зашли к моему водителю Анатолию Андриющенко. Кузьма как-то намекал, что хочет посмотреть, как картошку сажать, морковку, зелень там всякую.

— В лесу себе посажу, хоть и непривычные мы в земле ковыряться.

Толя умудрился рядом с баракom огородик небольшой обиходить. Жена его агроном, а потому, получив квартиру после брезентовой палатки и комнаты в общежитии, в первую очередь попросила мужа огородить кусок земли, вернее, песка. Соседи, обалдевшие от счастья, связанного с новосельем, смеялись над сумасбродной бабой и согласились на прирез пустыря под окнами в пользу агрономши. Теперь вот локти кусают.

— Вот уже картошка взошла, — Толя с удовольствием показывает свое хозяйство.

В теплицах высаженные помидоры, кое-где набравшие цвет, от прикосновения отдавали густой запах. Теплицы — особая гордость Толи и его Галины и, естественно, предмет зависти всего поселка. Никому таких крупных плодов вырастить не удастся, хоть и не скупится на советы агрономша, но напрасны старания.

Кузьма ходит, молчит.

А что тут скажешь? Слушать нужно, что люди скажут. Тут и Галина подошла и давай нараспев лекцию читать. Сразу видно, что не впервой.

Кузьма еще пуще задумался...

Кто помнит те бормашины, вызывавшие «шок и трепет» еще задолго до экзекуции, тот знает, почему Кузьма еще часа два после посещения стоматолога молчал, лежа на диванчике, уставившись в потолок.

— Чаю поставь, — наконец промычал он, придерживая щеку и шаркая тапочками.

— Больно? — спросил я его.

Кузьма стоял спиной и смотрел сквозь окно вдаль, словно не слышал моего вопроса.

— Да так. Не пойму: болит или не болит. Неловко как-то, — с опозданием молвил он. — Я вот думаю: помидоры — как растут? На кусту или их выкапывают, как картошку?

— На кусту, — удивился я такому вопросу и улыбнулся: — Ты же видел: они цветут.

— Картошка тоже цветет, однако, — сказал он тихо, помещивая чай.

* * *

Фото пленки, как это водится, имеют странное свойство куда-то исчезать, разбегаться по ящикам, захлавленным разным ненужным барахлом. Четыре выходных на майские праздники подвигли меня на большое дело: отыскать и напечатать пленки пятилетней давности. Тогда я сделал пробные фотографии и спрятал работу на «потом». И вот это «потом» растянулось на пять лет. Предстоял приезд Кузьмы с Дусей на праздники, и я решил воспользоваться их помощью, тем более что с трудом найденные фото пленки таили в себе много интересного для моих друзей. Пять лет назад я со своим другом Толей Вологжаниным охотился во владениях Кузьмы. Несколько пленок запечатлели их родственников, живущих на берегах живописнейшей реки Вать-Еган.

— Ну, что, Кузьма, — за чаем спросил я своего друга, — поможете мне с Дусей фотографии печатать? А то одному несподручно...

— Так мы не умеем, — тихо проронила Дуся.

— Мы ни разу не печатали, — Кузьма растерянно посмотрел на меня.

— Ничего, научитесь. Я буду печатать, а вы проявлять.

— Ладно, научимся. Интересно посмотреть.

Я уже заранее затемнил одну комнату, приготовил все необходимое, развел растворы.

Сначала проявляющиеся лица родственников произвели на моих друзей эффект разорвавшейся бомбы. На их глазах лица обретали контуры тени, полутени, вырисовывались знакомые пейзажи. Они хохотали, тыкая пальцами в очередную фотографию, но вскоре Кузьма, тонко подмечая мои замечания по поводу качества фотографий, строго сказал:

— Не додержал эту фотографию, дай больше выдержку. Видишь — светлая, а на свету она совсем бледной будет.

Я удивился верному замечанию, потому, что Кузьма еще не знает, как будет выглядеть фотография при обычном освещении. У него еще нет такого опыта.

— Вроде передержал, — говорю я, замечая, как быстро вылупляется очередное лицо.

— Как раз будет хорошо, там на свету будет нормально, — возражает Кузьма.

Уже потом, включив свет, убеждаюсь в правоте своего друга.

— Вот, передашь Алексею, — отбираю я уже высушенные фотографии.

— Нет его: утонул, — глухо произнес Кузьма.

Мне стало не по себе.

— Жене отдашь.

— Они вместе с женой утонули.

Я замешкался. Попалась фотография Витьки, что живет выше развилки.

— Витьке передашь, — я протянул фотографию с улыбающимся Витькой, балагуром и весельчаком, какие редко встречаются среди лесного люда.

— Убили Витьку. В прошлом году в лодке нашли с простреленной головой.

— Вот Максим...

— Умер...

Я не слышал уже голоса Кузьмы.

Я смотрел на разложенные в беспорядке фотографии и видел Алексея с его маленькой женой, стоящих на пороге своего углого домишки, рядом на дощатом полу ползает маленькая дочурка, а из-за отцовского плеча выглядывает Ленка — старшенький. Тогда ему исполнилось десять.

Вдруг Витька поднимается с реки. Лицо его, как всегда, лучится радостью. Вот он рассказывает, красочно жестикулируя, как учил ленивую собаку, подвязывая ее на ночь так, чтобы она стояла только на задних лапах. «Утром беру ее на охоту. Работает, как угорелая — ноги разминает», — хохочет Витка.

Всегда бледный и страшно худой скуластый Максим молчаливо курит «Приму». Он мне запомнился тихим и молчаливым, с тяжелой грустью в глазах. После смерти отца Усть Ивановича он совсем осунулся, замкнулся. Он такой же на фотографии: худой и бледный.

А вот Усть Иванович рядом со своими оленями.

...Нет уже Усть Ивановича, нет его оленей, нет и сына его Максима...

...Там Анна на одной фотографии с Лукиным. Николай не фотографировался: «Зачем меня такого будешь фотографировать?» — проговорил он в ответ на предложение стать перед фотоаппаратом. Он не хотел выглядеть слабым...

И только Пашка, сын Кузьмы, весело шагает в будущее с огромной кружкой воды... Я горжусь этой фотографией и считаю ее лучшей в жизни...

Вот тогда-то я и решил, что обязательно когда-нибудь напишу об этих простых людях с такими непростыми судьбами, заплетенными этим взъерошенным временем.

И вспомнились мне слова мудрого Усть Ивановича:

— Мы хотим, чтобы нам не мешали жить по-нашему. У нас одна вера, у нас и судьба на всех одна, что на Агане, что на Вахе или где-нибудь еще. Каждый живет в своем урие, в своем бору, но все едят одну рыбу и носят одинаковые одежды. И мы все молимся одним Богам.

Зимник

Буран навалился в пути. И прошло-то не более часа, но он полонил нас, и в этом вихревом ветровороте, казалось, не будет уже ни солнца, ни света. Низкие, корявые сосенки на неоглядном болоте исчезли в белых завертях пурги, и, отыскивая хантыйское стойбище, до боли всматривался я во мглу, боясь в снежной пелене не угадать натоптанный за зиму олений путь. Светало. Волком, упускающим добычу, взвыл буран, заглушая натруженно ревуший двигатель «уаза».

Среди сугробов, на торосе дорожного отвала, поджав под себя ноги, сидел человек, а в том, как аккуратно были уложены на коленях его руки, чувствовалась безысходность и покорность пережившего не одну непогоду. Когда мы поравнялись, он пошевелился, повернул голову, роняя с капюшона лохмотья снега. По толстым очкам-линзам я узнал старого ханты-старожила. Вышел к нему, протянул руку.

— Здравствуй, Усть Иванович. Что в такую погоду?

— Траствуй, токтор. Человека жту.

— Случилось что?

— Ничего не случилось, — отвечал он каждый раз коротко с характерным для ханты «т» вместо «д».

Голос его дрогнул. Он суетливо протер очки, зачем-то вытащил трубку, убрал ее, втянув через рукав под малицу, вко-нец растерялся. Казалось, он извинялся за присутствие на зимнике в такую погоду.

— Не болеешь? — перевел я разговор на нейтральную тему.

— Так, ничего, только клаза шибко плохо витят. Вчерась клухаря стрелял, промазал. Шипко плохо клаза витят, шипко плохо, — закрихтел старик.

— Кузьма-то дома?

— Тома, тома. И Кусьма и Туся — все тома.

Километра два-три мы шли почти на ощупь. Оленью дорогу занесло, только кое-где видны углубления в снегу от следов старика. Ветер утих, тучи быстро прогнало на север, и выкатилось солнце. Яркий снег-переновок слепил глаза до боли. Мы с водителем Иваном, человеком надежным и многоопытным, шли сосновым бором. Много дорог вместе исколесили. Вот и олени. При нашем приближении они встали, насторожились, но убежать не спешили.

Показались хантыйские избы, срубленные из нетолстой сосны. Небольшие и непохожие на крепкие русские пятистенки, по самые окна занесенные снегом, они немногим больше метра возвышались над сугробами. Плоские крыши, скошенные с обеих сторон, повторяли двускатную форму потолка. За избами виднелись лабазы, сделанные особым образом и служившие лесным жителям для хранения провизии, шкур.

Собаки, привязанные к вбитым колям, не имели крыши над головой в виде собачьих будок. Они спали прямо на снегу в вырытых углублениях. Увидев нас, громко залаяли. Но в их лае не чувствовалось той оголтелой ярости и ненависти к человеку, как у дворняги, сидящей на цепи.

— Кучум, ты что, меня не узнал?

Большой, черный с белым воротником пес сразу завилял хвостом, опустил, как будто смутился, голову и залаял с повизгиванием. Узнал, конечно, узнал, но свою работу сделать обязан. Подавать голос хозяину — его обязанность. И старый пес это усвоил еще с детства. В тайге, на охоте он — добытчик, дома — сторож. Недаром Кузьма так дорожит своей собакой.

— Сначала с собакой здороваешься, потом с хозяином? — Кузьма появился совсем незаметно на пороге избы.

Меня всегда поражало его внезапное незаметное появление. Лесной житель, он умел ходить бесшумно, терпеть не мог, когда в избе дверь скрипит или половицы «поют». Никакой посторонний шум не должен глушить лесную тишину. Я часто замечал, как ходят желваки на его скуластом лице, когда слышит он шум ревуших двигателей и лязг железа со стороны очередной нефтяной вышки.

— Я жду тебя. Слышу — «уазик» идет. Так что чай уже заварен. Заходите.

Поздоровались, посмотрели друг другу в глаза. Не виделись уже больше года. Не произошло ли каких изменений? Глаза вмиг расскажут больше длинного разговора.

— Там на зимнике Усть Иванович сидит. Кого-то ждет, что ли, в такую рань?

— Ждет! Каждое утро и вечер ждет, — как-то зло пробасил Кузьма. — Потом сам расскажет. Он тебя видеть хотел: болеет.

В избе, несмотря на раннее утро, никто уже не спал. Трехлетняя дочурка Галя с красным бантом на макушке бегала по избе и тискала кошку. Та слабо сопротивлялась, видимо понимая бесполезность своих усилий. Сын Павел приехал из школы-интерната на каникулы. Лицо его было серьезное и

какое-то недоверчивое: отпечаток интернатовской жизни вдали от родных. Из рассказов Кузьмы я потом узнал, как Паша тяжело расставался с родным домом. Словно птенца, пойманного в силки, увезли его осенью в первый класс школы-интерната.

В избе чисто, уютно, тепло. Дуся возле печки помешивала варево.

— Кузьма сказал, что доктор едет, вот я суп поставила: тебя ведь рыбкой не накормишь, — Дуся блеснула своими карими глазами, хихикнула. В избе витал нежный аромат косачинного супа.

— А у тебя, я смотрю, семейство уже сыто.

— Они давно уже встали: вчера Кузьма сказал, что ты приедешь, — ждут. Мне с тобой поговорить нужно...

— Вы тут с доктором поговорите, а мы с Иваном дров привезем, — надевая шапку, кинул уже с порога Кузьма.

— В лесу живешь и дров не наготовил? — хотел подтрунить над Кузьмой.

— А зачем мне их загодя готовить? Я ведь в лесу живу, — хитро усмехнулся Кузьма и уже серьезно добавил: — Мне «Бураном» по снегу сподручней дрова возить.

Дуся проводила мужа мягким, теплым взглядом, прикрыла за ним плотнее дверь, а для порядка проворчала:

— Дети по полу ползают, не лето ведь.

Дуся, худенькая, невысокого роста женщина, ловко управляется с хозяйством, успевает и суп помешать, и рыбу почистить, и маленькой Галинке по-матерински шлепок отвесить за озорство.

Любит ее Кузьма, и она ему отвечает взаимностью. Вместе с мужем ездит на рыбалку, сама может поймать оленей, снарядить упряжку, наколоть дров. Кисы сошьет и малицу спворотит. За детьми следит строго и Кузьму, если надо,

убережет от неверного шага, и он ей редко перечит. На вид хрупкая, она крепко держит хозяйство в руках. И все у нее ладно: и в избе чисто, и дети сыты и ухожены, и муж обласкан ее нежной заботой. Получили они с Кузьмой недавно трехкомнатную квартиру в Покачах. Поселок и назвали Покачи, потому, что построен на родовых угодьях его деда — Покачева Павла Ивановича. Места были ягодные, богатые боровой дичью. Ягель чистым светло-зеленым ковром устилал сосновые боры. Оленей помногу держали тогда ханты, населяющие пойму реки Вать-Еган и берега озера Имн-Лор. Покачевские угодья давали все необходимое лесным жителям, и они берегли свои сокровища. Рачительный хозяин лишнее из кладовой не возьмет. Иностранцем телом в глазу матери-природы сидит поселок. Не вяжутся, не гармонируют стекло, бетон с ягелем, молодыми соснами. И Кузьма со своей семьей не могут пока привыкнуть к новому жилищу. А с другой стороны, и школа, и детский сад. Все рядом. Паша во второй класс пойдет в школу, что напротив дома... Почему-то уже который раз мысленно возвращаюсь к старику на зимнике и, не находя ответа на свои вопросы, снова оказываюсь в этой простой и необыкновенно жизненной реальности.

— Я теперь работать буду, — с какой-то гордостью и решительностью сказала Дуся, прервав поток своих мыслей. — В детский сад пойду няней. Боюсь: справлюсь ли? — и засмеялась. Смех ее был ответом на свой же вопрос.

— В интернат я больше не поеду! — пробасил сердито Паша в углу.

Дуся рассказывала о своем житье-бытье. Ее страшит предстоящая новая жизнь в поселке. Я слушал неторопливый рассказ Дуси, прерываемый то Галей, то Пашей, то разыгравшейся кошкой, но мое воображение снова и снова навязчи-

во рисовало снежную фигуру Усть Ивановича. Что заставляет его ходить каждое утро и вечер на зимник? Кого ждет каждый день? Старый и больной житель леса мне сегодня показался совсем не таким, как я привык его видеть. Что-то его растревожило, раздавило. Всегда гордый и уверенный в себе старый воин, прошедший войну, представился мне нынче беззащитным ребенком.

День пролетел в обычных хлопотах. Кузьма привез дрова, нашел ушедших в дальний сосновый бор оленей. Затем проверили «мордушки», поставили две сетки под лед, поправили кораль для оленей, завезли две бочки бензина на весеннее стойбище: скоро перебираться на весновку, и «Бураном» тяжелые грузы забросить сподручнее. К вечеру устали. Невольно понимаешь, что жить в тайге ее милостью и дарами — большой, тяжелый труд. Как говорится: не потопаешь — не полопаешь.

Вечером завели бензиновый генератор и пили чай в освещенной привычным для горожанина светом избе. В углу непрерывно вещал «Маяк».

— Как в городе, — кивнул я на электрическую лампочку. Я по осени привез генератор, отданный мне бригадиром строительства железной дороги за поллитровку спирта. «У нас такого добра навалом», — сказал бригадир. Старый генератор сгорел, и починить его Кузьме не удалось.

— Мы уже привыкли, — отозвалась от печки Дуся.

— Так-то оно хорошо, — подхватил Кузьма. — Обещают «Буран» новый. Этот я за две зимы изъездил совсем. На оленях-то все реже и реже ездим: мало осталось...

Я не стал спрашивать, сколько осталось, зная, что Кузьма не любит считать оленей. «Сколько есть — столько есть. Зачем считать? По-нашему, не нужно считать свое добро».

Кузьма отхлебнул суп, помолчал и продолжил:

— Нам без оленей нельзя. Но теперь тяжело стало с ними. Раньше я на лыжах находил их в лесу, а теперь «Бураном» по несколько дней ищу. Далеко уходят: шарахаются, боятся всего. Везде шум...

Пришел Усть Иванович в новой футболке с нарисованной во всю грудь тигриной пастью и в меховых кисах. Он присел к столу, протирая очки-линзы и смешно щурясь. Пили чай. Разговор, как всегда, шел о рыбалке, охоте, об оленях, которым становится тесно в окружении дорог и нефтяных вышек.

— Земли мало становится, — заключил Усть Иванович.

Как точно и емко сказал! Ведь как назвать землей залитые нефтью болота, озера, исковерканные «ГТТешками» бело-мошные гривы?

Это уже не земля — это месторождение.

Одну тему все деликатно обходили. Я осмотрел старого охотника, выслушал сердце, измерил артериальное давление и остался доволен осмотром: сердце работало ритмично, давление сто сорок на девяносто — для его возраста хорошее. Рубец от ранения в правое легкое смотрел вороньим глазом из правой лопатки. Но терпеливый охотник не стал жаловаться на одышку:

— В лесу востух чистый, тышать легко.

Плохо обстояло дело с глазами: веки воспалены, ярко выраженный сосудистый рисунок на белочной оболочке. Явные признаки конъюнктивита, который развивается от холодного ветра, яркого весеннего солнца, кратно усиленного его очками-линзами. Старику нужен покой и лечение в домашних условиях. Особенно вреден яркий солнечный свет. Я достал из сумки глазные капли, мазь, рассказал, как пользоваться.

— Неделью нужно полежать дома, дать глазам отдых. На яркое солнце и холод выходить нельзя.

— Мне нельзя лежать, мне мушика встречать нато. Он мне приемник и пять бутылок водки привезет.

И тут он рассказал странную историю, как он отдал три оленьи шкуры какому-то водителю «Татры», а тот пообещал привезти приемник и водку. Вот она причина ежедневных его дежурств! Старик знает график выезда машин из автобазы и время возвращения. И ежедневно утром и вечером выходит он на зимник в надежде, что его водитель остановится и отдаст обещанное. Пройдут восемнадцать машин — и он идет домой. И так каждый день: утром восемнадцать машин, вечером восемнадцать машин.

И не хочет он верить в то, что его обманули, не может он этого понять, потому что он САМ договорился и ТОТ пообещал. Не может старый лесной житель поверить в обман. С ним еще такого не было за всю его длинную жизнь.

— Усть Иванович, не нужно больше ходить на зимник, — сказал я старику, — обманул он тебя, пошутил он.

— Мушик не шутил, мушик серьезно сказал, — твердо и прямо ответил он.

— Ты хоть запомнил мужика, машину, номер?

— Мушик с усами, на красной «Татре».

Да, не густо: все они с усами, и «Татры» все красные. Старый охотник отвернулся.

— Мне его встретить нато. Вдруг он приетет, а меня нет. Как он отдаст? А он потом мучиться путет. И после смерти его душа не путет спать покоя. По-нашему, кто долг не оттаст, шибко мучиться путет на том свете.

Он отвернулся и замолчал.

Мы уезжали на следующий день вечером. Возле нашего «уазика» на высоком снежном сугробе сидел Усть Иванович, ждал возвращения машин из месторождения, где они вели отсыпку. Еще долго мы видели его в зеркале заднего вида,

пока он не исчез за поворотом. Всю дорогу в глазах стояла фигура старика, беспокоящегося о чьей-то душе.

Через несколько дней я заехал на автобазу, привез водку и новенький, в упаковке радиоприемник, попросил одного усатого парня отвезти тому старику. Оказалось, эту историю с оленьими шкурами все водители знают. А должник уволился и отбыл к себе на родину.

Осенью я приехал к Кузьме уже в новую квартиру. Дуся устроилась на работу, и Галя пошла в тот же садик. Паша ходил в школу и был очень доволен, что теперь ему не нужно уезжать от родителей в интернат. Кузьма по-прежнему работал штатным рыбаком и дома бывал редко. Он рассказал, что Усть Иванович умер той весной, вскоре после закрытия зимника. Поручение мое усатый водитель выполнил, но Усть Иванович не притронулся к водке и приемник не распечатал и по-прежнему каждый день ходил на зимник. Уже в распутицу весенним днем он собрался на оленях — якобы искать осину для обласа и не вернулся...

Нашли его 9 мая. Олени паслись рядом, запряженные в упряжку. На нартах лежала привязанная бензопила и топор. Старый охотник сидел под огромной осиной, прислонившись к ней спиной, уронив голову на грудь, украшенную боевыми орденами, которые он надел впервые со дня Победы далекого 1945 года. Руки его аккуратно, ровно лежали на коленях.

Смертельная мечта

Теплый порыв весеннего ветра легко коснулся смоляной шевелюры. Ефим пригладил волосы рукой, — ему почудилось, будто кто-то тронул его. «Отец», — показалось ему.

Ефим оглянулся, но никого за спиной не было. Вчера вечером вспоминали с Анной отца Ефима — вечно седого Антона Афанасьевича. Так он когда-то, подойдя тихой неслышной походкой, трогал его проволочные вихры. И тогда Ефим отрывал взгляд от костра, смотрел в обветренное его лицо. Белые волосы отца окрашивались красным цветом догорающих углей, в неподвижных глазах прыгали огоньки. Долгую думу думал отец, глядячи на Матерь-огонь. Как бы далеко ни возвращала память Ефима в прошлое, он помнил отца седым. Он всегда был седым. Что видели он и его сверстники в жизни такого, что обелило их головы еще в юности? Не любили старики о том сказывать. Бывало, табак у костра курят, посмотрят друг другу в глаза, вздохнут тяжело:

— Ох-ох-хо-хо! — вздохнет один.

— Ох-хо-хо! — выдавит дым другой.

Поговорили.

Об одном думают, одними стежками по краю пропасти ходили. Так до самой смерти боялись сказать что-то главное. Мудреные слова произносили: «И у кедра уши есть», «Вам того знать не нужно». Ефим дивился: «Что они знают такого, что другим знать нельзя?» Но расспрашивать не решался: не говорят, значит — так надо. Так научен был сызмальства. Старшие сами скажут чего нужно. А лишнее зачем человеку знать?

Об оленях часто говорили: то о пастбищах потолкуют, что, мол, ягель за Светлым озером устал от оленьих копыт и другое место на это лето искать нужно, а то совсем вытопчут; то болезни донимают оленей: копыта у них болячками пойдут или еще чего приключится. А то от медведя по весне урон станется. Да мало ли хлопот с оленями... Дети слушают старших, молчат. Впитывают. Пригодится. Еще и сами не знают, что им пригодится, а слушают внимательно. Много интерес-

ных историй старики сказывали, и даже те, поросшие мхом, что их деды когда-то так же за чаем у теплой печки поведали своим малышам, будущим седым оленеводам.

— Оленей береги, Ефим, — повторял не раз отец. — Кончатся олени, и ханты кончатся. Что хант без оленей? Это что птица без крыльев, что облако без ветра, что дерево без листьев.

Ефим сидел на краю сосновой гривы. Впереди простиралось большое болото, что тянется до самого озера Имн-Лор. Там, на берегу озера, когда-то весной и родился Ефим. Говорят, весна — хорошее время для рождения. Крепкими растут весенние дети. И Ефим на здоровье не жаловался. Только вот с прошлой зимы в груди шибко давит да огнем жжет. В больнице лечился. Месяц уколами потчевали. Уж не знал потом, где болит шибче... Сесть не мог... Волноваться, говорят врачи, нельзя. А как тут не волноваться?

Ефим повернул голову. На склоне, где уже протаяло, стоял его последний олень, привязанный к сосне, — все, что осталось от отцовского стада.

Сдавило в груди, подкатил ком к горлу. Ефим достал душистую таблетку: привычно запекло во рту, морозом обдало язык, горло. Задышалось легче, расправились плечи... Он встал, спустился по натопанной тропинке вниз к болоту, еще не освободившемуся от снега, зачем-то оттащил срубленную сосенку подальше в сторону. Площадку для вертолета подготовил еще вчера. Снова не спеша поднялся на свое место.

* * *

...Я приготовил завтрак на скорую руку: суп из двух добытых вчера рябчиков и любимую Кузьмой жареную картошку. Неизвестно, когда он прилетит, а еда пусть наготове будет.

Вышел из натопленной избы, вдохнул утренний, еще морозный воздух. Стойбище уже ожило. Жена Ефима строгала чилеп из приготовленных загодя березовых палок. Тонкая, прозрачная стружка легко собиралась мелкими волнами. Так захотелось взять нож и тоже построгать: легко кажется со стороны. Но я уже пробовал: нож не слушается, вгрызается в дерево, стружка получается грубая, никудышняя. Дымилась затопленная Ефимом печь для выпекания хлеба. Дым устремлялся ввысь, растворяясь в синеве. У другой избы маленькая женщина колола дрова огромным колуну. Колоть дрова у лесных жителей — дело женское. Получалось у нее очень ловко, я даже на время засмотрелся. Вот она поднимает огромный колун и с придыхом вбивает его в большую чурку, подпрыгивая при этом. Чурак разваливается с треском на две половины, обнажив светлое нутро.

Издали заметил Ефима, усаживавшегося на поваленную на краю гривы сухару. По тому, как он застыл на миг, повернув голову, я понял, что он уловил мои шаги. Твердый утренний наст шуршал под ногами, звучно отдаваясь в чистом сосновом бору.

— Привет, Ефим, — пожал его суховатую, крепкую руку.

— Здорова, — протяжно ответил он и начал набивать трубку.

— Раненько ты ждешь. Вертолет, видимо, только к обеду появится, — сказал я, присаживаясь рядом.

— Понятное дело — пока поймают, да погрузят оленей... — Он сделал паузу, прикурил. — Да и лету не меньше двух часов... К обеду, однако, прилетит Кузьма.

Ефим попыхтел. Выпяченная нижняя губа, поддерживая трубку, подрагивала, при затяжке обжимала мундштук. Глаза немигающе смотрели вдаль. Скуластое лицо, словно каменное, не выражало ничего. Ожидание. Долгое ожидание, выжегшее внутри все без остатка, придавало всему его облику

какую-то величавую покорность. Да, именно величавую. Подымив еще немного, Ефим встал, отряхнул пепел с малицы кора (легкой малицы).

Я уже знал, что потерял Ефим стадо: тяжело заболев прошлой зимой, не смог досмотреть за оленями, и те ушли за Большие болота. Надеялся на брата, да и с тем беда случилась: оклеветали плохие люди, и пока его допрашивали в милиции да выясняли, что к чему, стадо ушло далеко в сторону восходящего солнца. Долго по насту искал он своих оленей уже после больницы, чертя «Бураном» белый лист нескончаемых просторов, многие ночи коротал в спальнике, зарывшись в глубоком снегу. Часть оленей смешалась с диким стадом, нашел останки нескольких, зарытые медведем. Других горе-охотники застрелили. Один только уцелел: нашел его в урмане еле живого. В нарте привез домой. Выхаживал, словно дитя. Сколько ночей не спал, сколь дум передумал — не счесть, представляя себя то птицей с перебитыми крыльями, то облаком, безжизненно повисшим без дуновения ветра, а то сухарой без листьев и веток, сиротливо стоящей в горельнике. Запали глубоко в душу слова отца. «Кто я без оленей?» — спрашивал себя бессонными ночами.

— Закон приняли какой-то в округе, чтоб оленья стада восстановить. Сначала уничтожили, теперь обратно... Оленей-то из тундры гонят, — ворчал про себя Ефим. — Долго, однако, думали. Люди уже отвыкли от оленей...

Съезд «коренных жителей Севера» припомнился Ефиму. Там и пообещали оленями помочь тем, кто лишился своих стад. Он тоже выступал на том съезде, но уже и не помнит, о чем говорил. Лет-то более восьми уже прошло... Об оленях говорил — о чем же еще?

Ефим курил, всматриваясь вдаль.

«Вот и дождались... Привезут сегодня оленей. Вместе с Кузьмой держать будем. Одному теперь не справиться. Кораль бы успеть построить до тепла», — думал Ефим.

Он тихой неспешной походкой, шаркая кисами по насту, прошел к снегоходу. Тот завелся с полуоборота.

— Садись, — скомандовал он, подруливая ко мне.

Я уселся в нарту, где уже лежали на оленьей шкуре приготовленные топоры и веревки.

Рванулась нарта, ударило резко сизым выхлопом, замелькало все вокруг, зарычало, зашуршало под полозьями.

* * *

Вот уже третьи выходные приезжаю к Кузьме. Строим большой кораль. Малый, рядом со стойбищем, раньше закончили. Он ждет своих постояльцев.

— Видишь, — который раз растолковывает мне Ефим, как только остановились в молодом сосняке, — теперь по-другому оленей будем держать... Большой кораль нужен, однако, — продолжал он после паузы. — Чтоб и вода была, и болото, и ягель внутри коралья. А иначе как? Иначе нельзя: там вон буровая сутками бряцает, там за гривой зимник, — он повернулся, махнул рукой, — зимой «Бураны» везде, охотники стреляют. Сколько говорим всем, что нет в наших местах диких оленей, а все без толку. Нет покоя оленям. С ума сходят, как дикие шарахаются.

Ефим взял топор, подошел к молодой сосне, потрогал желтую кору, пробубнил что-то себе под нос, похлопал сосенку ладонью. Топор врезался в ствол мягко, не издав звука. Сосенка встрепенулась, шепнула иголками, словно простонала тихо.

После каждого срубленного дерева Ефиму требуется какое-то время, чтобы отдышаться. В мою задачу входит обрубить ветки, ополовинить ствол по мерке, подтащить к нартам готовый столб.

— Отчего воздуху не хватает? У меня же сердце больное, а не легкие, — Ефим достал из-под сиденья снегохода сок в пластиковой бутылке, протянул мне, потом достал таблетку, запил ледяным напитком, набил трубку, закурил.

— От сердца и одышка. Так обычно бывает... — старался пояснить я. — Не спеша все делать нужно, не перегружаясь...

— Я ведь не в городе живу, — перебил он меня, — все самому делать нужно, однако... Я заметил, что сердце не от работы заболело, — продолжил он после длинной затяжки. — Дичи в лесу не стало, исполосовали все дорогами... Со всем земли мало осталось. Вон последний олень остался... Скучно ему, тоскует Серый... На все смотреть больно... Вот и давит... — он сжал рукой шарф на груди. — Тоска давит...

— Привезет Кузьма оленей. И твоему Серому, и тебе веселей будет, но и забот прибавится.

— Заботы — они лучшее лекарство от сердца, они душу очищают, — сказал задумчиво Ефим, затем, словно о чем-то вспомнив, глянул на часы, и мы, не сговариваясь, начали увязывать приготовленные столбцы к нартам.

Вдруг Ефим застыл, жестом обозначив напряженность и внимание. Я тоже остановился.

— Вертолет... Восьмерка... Это Кузьма. — Лицо Ефима засветилось, потом его вдруг пронзила тревога. — Быстрее, — обратился он ко мне.

Точка над низким горизонтом росла на глазах. Взревел мотор снегохода, натужно тронулись груженные нарты. Подъехали к приготовленной для вертолета площадке, как раз ког-

да вертолет делал круг, готовясь к посадке. Лопасты лопотали громко, машина зависла и, медленно снижаясь, пыталась мощными потоками воздуха сорвать шапки, повалить низкие сосенки. Не успели колеса коснуться снега, как дверка открылась и первый олень упал вниз, вмяв уже оттаявший к обеду наст. У него оказались связанными ноги.

— Оттаскивай в сторону, — услышал сверху голос Кузьмы.

Я ухватил оленя за веревки и поволок в сторону. Тут же упал следующий олень. Ефим пытался помогать, но скоро сел на снег, зажав сердце руками.

— Уходи! — крикнул я ему. — Уйди! — махнул рукой.

Едва успевал оттащить очередного оленя, как из вертолета вываливался следующий, вертя огромными испуганными глазищами. Ноги быстро теряли уверенность в мягком снегу, становились ватными, сердце колотилось гулко. Я костерил себя за то, что быстро уставал и, как мне казалось, не успевал справляться с работой.

— Что, сало выходит? — услышал я снова теперь уже веселый голос Кузьмы. Вертолет уже набирал высоту. Я лежал на снегу, обливаясь потом, чуть живой.

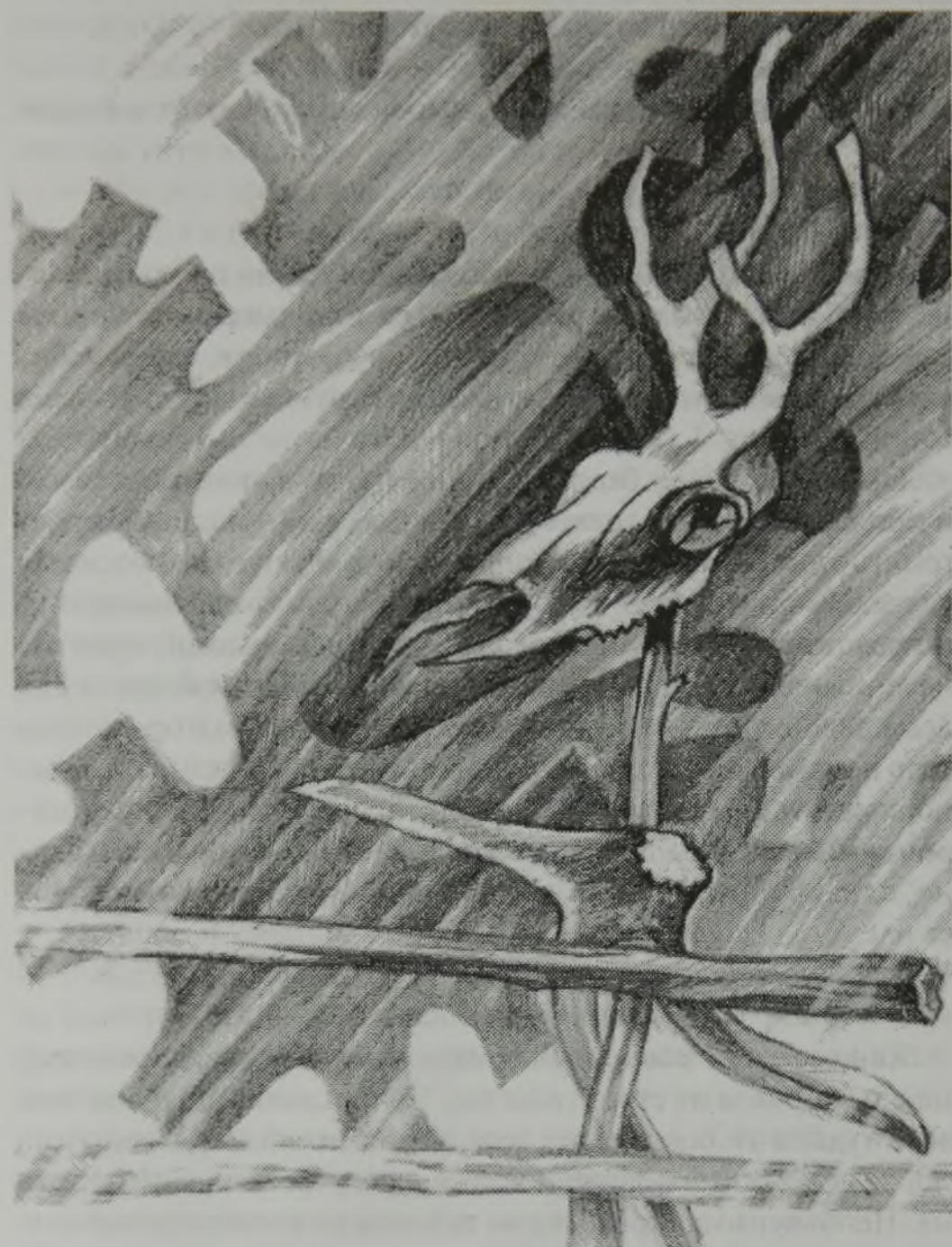
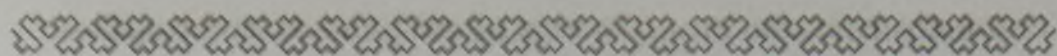
— Привет, — он присел на снег рядом со мной.

— Привет, — кое-как выдавил из себя, подал дрожащую от напряжения руку. Его улыбающееся лицо светилось радостью.

Подошел Ефим.

— Здорова, Кузьма, большое дело сделал, — и улыбнулся, — как там справился один-то? Двадцать пять оленей поймать, связать, погрузить... — он покачал головой.

— Мужики помогли. Сам Вэлла оленей делил. Справедливый мужик. С ним никто не спорил. Четыре вертолета из Русскинских сегодня отправили — в Корлики, в Ларьяк, Аган и вот наш. Там оленей тыщи пригнали с Ямала.



Я откинулся на спину и уже не слышал, о чем толковали Ефим с Кузьмой, переходя на хантыйский язык.

Они радовались возвращенному счастью.

Украденному и возвращенному.

Они еще не знали, какие разочарования ждали их впереди.

* * *

Строительство коралля продолжалось. Дело продвигалось не так быстро, как хотелось. Лунки в промерзшем болоте сверлили ледобуром через каждые пять метров, затем забивали заостренные столбы сквозь болотную жижу до упора в твердое дно.

Ефим с Кузьмой беспрестанно тягают «Бураном» столбы и прожилины. Моя задача — сверлить лунки и с размаху загонять столбы сквозь податливое болото. Руки срываются при ударе о твердь. Рукавицы уже — третья пара, разлохматились и представляют собой плачевную картину. Ладони горят огнем, мышцы постанывают. Это через день-другой ломота во всем теле скует любое движение, а сегодня разгоряченное тело не замечает усталости. Давненько так не вкалывал. Нужно спешить, чтобы успеть к теплу. Все понимают, что построить шесть километров изгороди в такие сроки невозможно, однако половина уже позади, и надежда пока не покидает нас.

* * *

Как всегда не вовремя выпавшая командировка на целый месяц оторвала от строительства. Тело отдыхало, а душа рвалась туда, в те болота, где нужна моя помощь. Переступив порог дома после долгой поездки, сразу же позвонил Кузьме. Необъяснимая тревога уже две недели не отпускала меня.

— Ефим умер, — сообщил он мне, — сердце не выдержало.

Он поведал мне, как подключились к строительству родственники из других стойбищ, как Ефим работал наравне со всеми, едва держась на ногах. Как поначалу удавалось удерживать стадо оленей, несмотря на то, что они постоянно стремились уйти на север.

— Им все время на север надо. Мы их пригоним, а они снова туда идут — к своим. На свои места... Были бы у нас здесь свои олени, может, наш вожак удержал бы, а так, только снег растаял, ушли они. Кораль так и не достроили... — слушал я голос друга. — Как удержишь? Болота водой заполнились, вода следов не оставляет. Как искать? Я вокруг все облазил... Они через реку перебрались.... Ефим несколько суток искал, по болотам пешком ходил... Его Серый вместе со стадом ушел... Не выдержало сердце... Последний олень ушел...

Кузьма еще что-то говорил, но я уже не слушал его голос. Я видел Ефима, сидящего на краю болота, ждущего вертолет, и привязанного на пригорке оленя...

* * *

— Нашли потом оленей по меткам. Не всех, правда, больше половины не досчитались, — говорит Кузьма.

Прошло несколько лет.

Найденных оленей Кузьма отдал в небольшое стадо свояка Дмитрия Айпина. Важенки дали приплод. У родившихся уже здесь появились свои детки. Прижились. Вожак в стаде один из них.

— Хороший вожак, — говорит Кузьма, — Серый! — Кузьма потрепал голову оленя, — тот Серый пропал.

Ефим об этом уже никогда не узнает.

Не прокатится в упряжке по накатанному оленьему пути.
Не покормит Серого из рук...

* * *

Как-то, работая в архиве, наткнулся на материалы первого учредительного съезда коренных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа, проходившего в теперь далеком 1989 году. Среди многочисленных докладов я обнаружил и доклад Ефима Антоновича Тылчина, рыбака совхоза «Аганский»:

«...Я рыбак совхоза «Аганский». Раньше мы ловили по 150–200 тонн рыбы, а сейчас и десяти не поймаете, потому, что 70% рек нефтяники вывели из строя. Наш народ вымирает. Это видно на примере нашего поселка. Жить стало нелегко. Оленей аганцы всех зарезали. Остались три семьи, которые пытаются еще содержать оленей, но пользы от этого нет, так как осенью их отстреливают. Ну, как нам жить? ...Нефтяники стали нам строить. За это им спасибо, — но землю, которую вывели из строя, скажите, кто восстановит?..»

Любимое время года

«Уазик» лихо катил по новой бетонке, дробно отсчитывая дорожные плиты. С горбатого моста через Аган открывался величаво задуманный Творцом зимний пейзаж. Раннее утро. Справа над рекой выкатилось огромное красное солнце. Оно еще великодушно позволяло собою любоваться, не набрав пока той ослепительной яркости, когда его лучи выбивают слезы, отражаясь от искрящегося чистого снега. Тени от пря-

мых, как зубцы гребешка, сосен ложились длинными розовыми полосами через бетонку. От пересечения этих ровных рядов возникало ощущение такой бешеной круговерти, что в глазах рябило, и эта рябь вытесняла из сознания все без остатка — только солнце, снег и бесконечные тени... Время не то останавливалось, не то разгонялось до невиданных скоростей; пространство то расширялось до бесконечности, то сжималось в точку. Временами зрение притуплялось, не позволяя воспринимать действительность, и тогда мелькание сливалось в непрерывность тени и света или обострялось, выхватывая на скорости каждую тень. Поворот налево, и пространство, освобожденное от соснового плена, наполнилось нежным весенним утром. Солнце становилось все ярче и ярче в зеркалах заднего вида, теряя свои четкие очертания.

Вскоре мы остановились перед новым чешским общежитием, какие в то время можно было встретить на многих месторождениях. На пороге появился Лукин в лохматых унтах, мой знакомый. Он вызвал меня по рации, и, так как треск во время сеанса связи стоял невообразимый, я только и успел разобрать, что едем к хантам, к его больному другу, и нужно взять «трубочку слушать». Говорил он торопясь, и не зря: связь внезапно оборвалась и наш связист, как ни старался, ничего сделать не смог. Я взял «трубочку слушать», собрал аптечку и — в путь.

Олег Ильич Лукин стоял на пороге и, растопырив свои длинные руки, широко улыбался. Я тут же попал в его крепкие объятия.

— А я уже стал сомневаться — приедешь ли? У нас рация накрылась. Скоро ханты подъедут. Они уже в поселке, продукты закупают.

В просторном холле стоял теннисный стол, и мы, не сговариваясь, взяли ракетки. Олег играл на том же любитель-

ском уровне, что и я. Игра шла ровно. В огромное окно центральная улица поселка видна как на ладони.

— Едут! — Олег поймал теннисный мячик и подошел к окну. Три олени упряжки одна за другой появлялись из-за поворота. Меня поразило это зрелище. Олени легко бежали, гордо держа головы и поднимая высоко ноги, из ноздрей валил густой пар, воздушные нарты легко скользили, слегка покачиваясь. Я впервые видел олени упряжки наяву. Олени почему-то оказались меньше, чем я себе представлял. Только у двух оленей были красивые раскидистые рога. Один был с одним рогом, были безрогие. Три упряжки, по три оленя в каждой. Ханты привязали оленей прямо к перилам крыльца.

— Вот доктор, как обещал, — сказал Лукин, здороваясь с мужчиной, одетым в нарядную малицу. Оленями управляла женщина, как оказалось, его жена.

— Николай, — подал руку он, не вставая с нарт. — Это жена моя Аня.

На лице Николая появилась улыбка, обнажая желтые, нездоровые зубы. Улыбался он, превозмогая боль. Лицо его с желтизной, изрезанное мелкими морщинами, выдавало человека, хоть молодого, но больного тяжелым недугом. Глаза смотрели мягко, с какой-то обреченностью и робкой надеждой. Он сидел на нартах, свесив ноги, упираясь руками в колени, и тяжело дышал, приподнимая плечи с каждым вдохом. Трубка, зажатая в зубах, дымила, распространяя запах дешевого табака. Он медленно, как делают обычно старики, побряхывая, встал, стряхнул снег с оленьей шкуры, поправил ремень, нож в деревянных ножнах и так же медленно снова сел.

— Потрясло маленько, и живот разболелся, — сказал он тихо, как будто невзначай.

И не было в его голосе ни жалобы, ни слезливости — не о его боли будто шла речь. Подошли товарищи Николая. Тоже в праздничных малицах.

— Егор.

— Михаил.

Оба невысокого роста, крепко сбитые, они замкнули круг. Аня подошла к оленям, поправила упряжь, погладила животных, достала мешочек с сухарями и по очереди подошла к каждому, приговаривая что-то на хантыйском. Олени, громко похрустывая, вытягивали шеи, медленно жевали, заглядывали в глаза хозяйке в надежде получить добавку.

— Ну, чайку попьем и в путь, — Лукин положил руку на плечо Николая.

— Чайку маленько можно.

Чай, оказывается, уже заварен. На просторной кухне, мебелированной чешской мебелью, что шла вместе с общежитием, расселись кружком.

— Продукты взяли: тушенку, сахар, чай, — Николай держал кружку в ладонях, словно боялся остудить, дул, прежде чем громко потянуть ароматный горячий напиток. Все он делал медленно. Даже кисет с табаком искал долго, как в замедленной съемке, так же не спеша набивал трубку, — зима кончается, весна пришла. Люблю весну. Праздник у нас сегодня — Вороны день. Оленя колоть будем, — Николай сладко затаился. — Весна-а-а....

— Как это: праздник вороны? Чем же это заслужила ворона такую честь? — искренне удивился я. Мне и в голову не могло прийти такое — праздновать день Вороны, этой воровки и хулиганки, прописанной в русских народных сказках отнюдь не светлыми красками.

— Она первая прилетает к нам. Первая дает знать — весна пришла. К человеку тянется. Всегда рядом с человеком живет.

Долго задерживаться не стали. Мы с Лукиным сели в первые нарты, водитель «уаза» Иван Васильевич — во вторые, Николай с Анной замыкали колонну. Тихо шуршат полозья нарт. Олени несут быстро, мелькают низкорослые сосны, и скоро не стало видно поселка, не стало слышно его шума. Егор негромко гыкает на оленей, изредка подгоняя их длинным шестом — хореем. Летят по обе стороны деревья назад, кажется, что кружат они вокруг снежным хороводом. Олени всхрапывают, бегут резво, весело, словно это доставляет им радость. Снежная пороша искрится на ярком солнце. Низкий сосняк сменился нарядным белым березняком, затем нарты пошли вверх и вынесли нас в светлый сосновый бор, снова большое болото с низкими соснами, снова бор. Скупая на краски зима показалась мне тогда не такой уж однообразной: белые, сливающиеся со снегом березы, стоящие вперемешку с кедрами, соснами, позолоченными утренним солнцем, заполняют пространство мазками самого даровитого художника — природы, радуют глаз меняющимися картинами. Иней, тронутый дуновением ветра, искрится на солнце золотистыми блестками и разноцветной радугой.

Круговерть прямых и стройных сосен вскоре вынесла нас на огромную елань. Избы появились внезапно, как из-под земли выросли.

Три семьи проживают в этом стойбище, которое расположилось в чистом сосновом бору, на берегу небольшой речки. Две маленькие избушки стоят рядом на краю гривы. За ними начинается крутой спуск к ручью. Стены избушек сложены из нетолстой, прямой, как карандаши, сосны. Брезентовый верх, местами прожженный искрами, немного обвисший, придает им убогость. Наши упряжки под веселые голоса встречающих нас детей остановились в центре селения, бли-

же к большой избе, срубленной недавно. Светлые, еще не потемневшие от времени бревна дорогим нарядом блестят на солнце. Женщины, одетые в национальные одежды, расшитые бисером, выстроились перед нартами. Яркая одежда на фоне чистого белого снега выглядит торжественно. Ребяты с визгом скатываются с горки на деревянных санках — точной копии больших нарт. Мороз раскрасил их детские лица густой красной краской. Звонят в морозном воздухе задорные голоса, создавая свой особый, радужный мир в этом безмолвном и неподвижном параде седых сосен.

В маленькой избушке Николая тепло. Аня, пока мы стояли на улице, успела растопить печку, поставить чайник. Раскрасневшаяся «буржуйка» разливает тепло расточительно, щедро одаривая каждого частичкой своей жаркой души. Сквозь небольшое оконце свет врывается пыльным столбом. Пар от чайника тянется к окну и стекает по стеклу прозрачными каплями. Николай разделся, закурил.

— В прошлую зиму перед Новым годом, — начал негромко он, обращаясь ко мне, — поехали мы в поселок за продуктами. Сахар, чай завезли в магазин, — ну и табаку, водки к празднику тоже надо. Выпили мы там маленько, а мороз стоял... туман... — Николай улыбнулся, с трудом поднялся, взял спички, стал прикуривать потухшую трубку.

— С нами еще Мишка был. Мы на евошных оленях ездили, — подхватил быстрый на слово Егор, ставя ударение в слове «оленях» на последнем слоге, — обратно возвращались поздно, потемну. Домой приехали, смотрим: нет Николки. Потеряли, получается, по дороге. Мы обратно — искать. В поселок вернулись — нету, не нашли. Обратно — нету! Ну, ладно, думаем, завтра найдем...

— Ничего себе «завтра»! — не выдержал я. — Мороз за сорок. Нашли? — задал я глупый вопрос.

на, выносит на поверхность, он жадно делает глоток воздуха — и снова в пучину.. Николай видит себя десятилетним мальчиком. Ему вспомнилось то утро, когда на рыбалке перевернулся облас, запутался он в сетях, и чудом подоспевший отец вытащил уже бездыханного сына на свет и воздух...

В больнице Николай очнулся только на следующий день. Врачи сутки боролись за его жизнь. Сутки не отходили от его койки медсестры.

— Глаза открываю, — рассказывает дальше Николай, — а вокруг все белое: потолок, стены и женщина сидит рядом, тоже вся в белом. Умер я, что ли? «Ты, — говорит женщина, — всю ночь нам про страшных зверей рассказывал, песни пел то на хантыйском, то на русском». Что я мог петь на русском? Я же ни одной песни русской не знаю, — Николай улыбнулся, захлопал часто глазами, отвернулся к окну.

Набравшись сил, Николай через два месяца, так и не долечившись, сбежал домой. Его искали, дважды прилетал вертолет, но он скрывался, не хотел снова в больницу.

— Что, плохо было в больнице?

— Да нет, хорошо. И врачи хорошие, спасибо вытащили с того света.... Скучно стало. На весновку сбежал. Прошлой весной много рыбы было, ондатры пострелял, летом тоже рыбачил, а к осени снова плохо стало. Думал, отлежусь маленько, а оно все хуже и хуже. Вот смотри, какой худой стал, — он положил дымящую трубку на стол, вытянул тонкие руки вперед и снова закашлялся.

— Ты очень много куришь....

— Не могу не курить. Табак силу дает.

— Тебе лечиться нужно... в больнице. Лукин вертолет даст, я договорюсь о лечении.

— Сейчас нельзя. Вот отвеснуюсь... — он на мгновение задумался. — Мне больница уже не поможет, — обреченно

произнес он спокойным голосом, — не хочу в больнице умирать.

В избушку с шумом, впуская клубы холодного воздуха, ворвались дети Николая: девочка лет шести и мальчик трех-четырёх лет. Девочка, с живыми, как у Анны, карими глазами, что-то громко на хантыйском языке объясняла матери. Та позвала малыша к себе.

— Напрудил полные штаны, — не то ругала сына, не то переводила сказанное дочерью Анна, — домой сразу бежать нужно. Не май месяц.

Она ловко сняла меховые кисы, которые сдернулись вместе с колготками. Потом с хрустом оторвала примерзшие к подошве кисов колготки. Ноги у малыша покраснели, как у гуся лапы. Анна взяла в свои ладони эти красные лапки, поднесла к губам, отогревая их своим горячим дыханием. Наблюдая эту идиллическую картину, я мысленно представил себе городского малыша, пробежавшего часок-другой в обледенелой обуви на морозе, и мамашу, обнаружившую такую оказию. А Анна спокойно отогрела малышу ноги, вытерла блестящий ручеек под носом своего чада, передела в сухую обувь и снова выпроводила на улицу.

Подъехали гости на двух оленьих упряжках. Одеты они тоже празднично. Их дети с ходу включились в игру, и уже не различить в куче, где дети гостей, а где хозяев. Оказалось, что ждали именно их.

Оленя закололи еще утром. За избой на снегу растянули шкуру. Жители стойбища и гости в праздничных одеждах стали полукругом. Нам тоже предложили присоединиться к обряду. Вышел вперед Михаил и на правах старшего что-то громко и напевно сказал на хантыйском, обращаясь к своим сородичам. Затем все стали, пружинисто покачиваясь, поворачиваться во все стороны, молиться по-своему.

Поклоняются своим богам лесные жители, несмотря на то, что в каждой избе найдется иконка Божией Матери, Николая Чудотворца. Свои боги им роднее, ближе, они уже много столетий помогают им выжить в тяжелую годину. И сейчас они просят их защитить свою землю от разрушения, дать возможность им жить так, как жили их предки. Они просят наполнить их реки рыбой, боры дичью, просят, чтобы олени плодились, чтобы ягеля было достаточно. Николай тоже молится вместе со всеми, медленно поворачиваясь по сторонам. Непривычно видеть его без трубки во рту. Он мысленно просит своих богов дать ему силы и терпения, здоровья и исцеления. Шамана нет. Обряд проходит скромно. Теряется все же нить, соединяющая народ ханты со своим прошлым, теряются вековые традиции. Не так, видимо, раньше праздновали день Вороны, день Весны предки Николая, Михаила, Егора. Я представил себе шаманов с бубнами, песни, пляски, молитву богам — проникновенную и торжественную. Пружинисто раскачиваясь, я ушел своими мыслями в далекое прошлое, мое воображение несло меня в глубину веков. Я слышал гортанное пение шамана, бубен взлетал над его косматой головой, уводя его в дикую круговерть. Затем танец подхватывают мужчины, кружась вокруг костра, звучит мелодичная, протяжная песня, восхваляющая Землю, Небо, Богов. Гремит бубен, многоголосица наполняет бор, стелется по болотам и гривам, уходит в бездонное небо, возвращаясь лучами яркого солнца, играющего на разноцветных одеждах, отражаясь от искрящегося снега, создается праздничное многоцветие.

В большой, светлой избе Михаила на низком столе стоит казан с отваренным оленьим мясом.

— Садитесь сначала вы за стол, — обратился хозяин ко мне, Лукину и водителю Ивану Васильевичу, — а то мы будем кушать по-своему, — и он показал рукой на большую миску с кровью, на сырое мясо.

Оленина оказалась очень вкусной. Отваренная большими кусками на костре, она распространяла аппетитный аромат. За обедом завязалась беседа. Михаил сетовал на то, что дичи стало меньше, оленям негде пастись: дорога к кустам прошла через пастбище. Нефть попала в речку..

— А тут еще олени пропадают, — продолжал Михаил, — один пропал, потом другой. По насту трудно искать. Куда деваются олени — не знаем. Почти месяц искали.

Михаил рассказывал медленно, затягиваясь сигаретным дымом. Он сделал длинную паузу, словно переживая заново трудные многодневные поиски в тайге, по урманам и болотам.

— Нашли? — не выдержал я.

— Нашли, — он снова замолчал, — на буровую следы привели. Бульдозерист застрелил.

— Разговаривали с ним?

— Говорили.

— Ну и что?

— А... плохой человек был, — коротко закончил Михаил.

Он тяжело вздохнул. Ему до сих пор жалко оленей. Они почти перезимовали морозную зиму. Важенка должна была в мае родить олененка. Другой пропавший был хорошим ездовым оленем.

В избе стало тихо. Никто не ожидал такую короткую и несколько странную концовку истории. Все встали из-за стола, вышли молча на улицу. День уже перевалил за полдень, и заметно похолодало. Пора собираться домой. Мужчины намеревались трапезничать «по-своему». Анна подогнала уп-

ТИШКА

I

Солнце робко заглянуло в избушку, скользнуло первыми лучами по столу, а затем переместило свои нежные руки на лицо лежащего на оленьей шкуре мальчишки лет пяти-шести. Мальчик сладко спал в обнимку с книжкой. Перед сном мама читала ему сказки. И сейчас его лицо трогала улыбка. Солнце грело его щеки и уши, нежными ладошками гладило взъерошенные волосы, словно тормозило его и настойчиво будило; звало на лужайку, на речку, где бродил он до самого вечера. Мальчик открыл глаза, но тут же зажмурился и отвернулся. Он еще какое-то время лежал, не в состоянии отделить вчерашний вечер от ворвавшегося утра. Вечером, укладываясь спать, он видел солнце в окошке за печкой, проснулся — оно уже в окне, что у двери. И так каждый день. Белые ночи... Лето...

— Вставай, Тиша, отец ждет на улице. Сегодня у тебя день рождения. Поздравляю! Тумтака вула, здоровым живи. Расты большой! — Мама поцеловала его. — Пухие, мальчоночек мой, — она потрепала рукой волосы. — Сколько тебе лет? — спросила она.

— Пя-я-ять, — протянул сипло Тишка.

— Уже шесть. Ты уже большой. — Мама сидела рядом и улыбалась. — Беги на улицу.

Спиридон перебирал сети для ловли рыбы и, увлеченный работой, не заметил сына. Тишка подошел и потрогал руку отца.

— С днем рождения, сын! — он высоко над собой поднял Тишку и закружил: — Кушалана ат шавилайн, пусть тебя охраняют хозяева твоей земли. Я подарю тебе облас. Ты уже большой, и я хочу, чтобы ты был хорошим рыбаком и охотником. Пойдем.

За домом, где отец обычно запрещал играть детям, лежал накрытый брезентом настоящий облас.

— Это твой, специально для тебя сделал.

Тишка смотрел на новенький облас. Ему казалось, что он не настоящий. Светлые, гладкие его бока на солнце отливали необыкновенным блеском. В глазах мальчика он казался сказочным. Не верилось, что этот чудо-облас теперь принадлежит ему. Так хотелось погладить его старательно отшлифованные округлые бока, хотелось прыгнуть в облас прямо сейчас, сию минуту. Тишка стоял, прижавшись к углу дома и боялся, что если закроет глаза — все исчезнет. Потом он посмотрел в улыбающееся лицо отца, подошел к обласу, сел на дно. Весло само взлетало над головой, загребало невидимую воду, он уже плыл по бесконечному озеру, солнце, отражаясь от водного зеркала, слепило его. Он снова посмотрел на отца, встал и прижался к наклонившейся шершавой щеке.

— Бери свой облас и пойдем на ручей.

Мальчик ухватился за деревянную перемычку обласа и, как делал его отец, потянул в сторону ручья. Соседская девочка Аня стояла на пороге своего дома. Поравнявшись с ней, Тишка громко выпалил:

— А это мой облас. Мне папа на день рождения подарил.

Тишке хотелось, чтобы его сейчас видели все: и новые друзья из деревни, и дед и бабушка. Он уже большой. Облас легко скользил по мху, словно не имел веса.

Сегодня действительно день для Тишки выдался необычным. Пока он учился плавать на обласе среди затопленных

кустов, в тихом омутке разлившегося в начале лета ручья, приехала учительница младших классов из деревни. Тишка знал Светлану Антоновну, но, увидев ее дома, смутился, опустил глаза и спрятался за маму.

— Здравствуй, Тиша. С днем рождения, — голос учительницы звучал мягко, ласково, и он, преодолев застенчивость, подошел к столу. — Ты читать умеешь? — спросила она.

— Нет. А зачем? — он уставился на учительницу, потом на маму.

— А буквы знаешь?

— Нет. А зачем?

— Вот так все время, — мама обращалась к Светлане Антоновне, — ни в какую не хочет учить буквы. Заладит: «а зачем», и хоть ты тресни. Он ведь многие буквы знает, а спросишь — не отвечает.

Светлана Антоновна держала ярко-синий букварь.

— Это тебе. Подарок на день рождения.

Букварь был красивый, с блестящей обложкой, не то что его старый, потрепанный, с оторванными страницами, приклеенными полосками цветной бумаги. Но радостного волнения Тишка не испытал. Напротив, что-то нехорошее шевельнулось в груди. Он смотрел на букварь почти враждебно, ощущая тревогу. Облас — букварь. Облас — букварь. Букварь рос в его глазах, заполняя собой стол, избу, и уже не видно за ним обласа, уменьшившегося до игрушечных размеров. Он встряхнул головой, и яркая книга на столе приобрела обычные размеры.

— Поедешь к нам в деревню? К бабушке? Будешь ходить в подготовительную группу. Вместе с Васей Ильиным. Ты ведь знаешь его?

— Знаю, — Тишка повеселел. Он любил играть с Васей, когда бывал в гостях у деда с бабушкой. Но как же облас? Он снова опустил голову, потом повернулся в сторону отца.

— На обласе ты еще успеешь поплавать. В деревню поедешь только осенью, — развеял сомнения отец. И лицо Тишки сразу посветлело. Он был согласен на все.

II

Тишка был в детском садике только один раз, на Новый год. Глаза его тогда разбегались от ярких огней и нарядов. Он сначала испугался громогласного деда с длиннющей бородой. Большой мешок за спиной огромного старика притягивал его взгляд и пугал своими размерами. Вспомнился Лесной старик, что живет в урмане за поворотом Большой реки. Отец иногда говорил: «Смотри, Тишка, в лес далеко не ходи. Лесной старик встретится, уведет далеко». Лесной старик — лохматый с бородой, но почему-то одетый в красную длинную малицу, с огромным мешком — подходил к детям, и те его не боялись, наперебой рассказывали стихотворения, отгадывали загадки, громко смеялись, пели песенки. Тишка тоже дрожащим голосом скороговоркой протараторил припасенный стишок и уставился на Деда Мороза: не унес бы Тишку в далекий урман «белобородый». Тревогу развеяла Снегурочка. Нежным, как у мамы, голосом она похвалила его и достала из большого мешка пушистого зайчишку с торчащим хвостиком и яркий мешочек со сладостями. Хлопушки, мигающие огни его не удивляли. На стойбище отец тоже наряжал елку со светящимися лампочками. А хлопушек накупили столько, что еще долго после праздника ребятишки пугали друг друга внезапными взрывами-хлопками.

К детскому саду Тишка привык быстро.

Каждый день в садик приходила Светлана Антоновна. Все дети ее знали и с удовольствием занимались на ее необычных для детского сада уроках.

— Сегодня мы повторим то, что учили вчера, — Светлана Антоновна открывала букварь, доставала вырезанные буквы, показывая то одну, то другую, и дети громко называли их. Только Тишка сидел молча. Потом Светлана Антоновна задавала простенькие задачки. Дети снова наперебой отвечали, тянули руки. Занятия проходили весело, но Тишке они не нравились совсем. Вот сказки он слушал с удовольствием. В такие минуты глаза его загорались, он будто сам жил в сказке. То он боялся, что Иванушка так и останется козленочком, то его сердечко сжималось, когда Богатырь вступал в бой с трехглавым Змеем Горынычем.

— Сказки любишь, Тиша? — спрашивала его Светлана Антоновна.

— Люблю.

— Так вот, учи буквы, и сам сможешь читать самые разные сказки.

— А зачем? Ты нам читаешь.

— Ну, дома будешь читать.

— Дома бабушка читает, — отвечал упрямо Тишка.

Учительница промолчит, переведет разговор на другое:

— Тиша, сколько будет, если к двум кубикам прибавить еще два? — Она берет два кубика, ставит рядом еще два и накрывает их ладошкой.

— Не знаю.

— А ты подумай. Вот два красных и два синих. А вместе сколько будет?

— Зачем ты меня спрашиваешь? Ты сама знаешь.

Дети смеются. Для них, во-первых, непривычно, что к учительнице Тишка обращается на «ты», а во-вторых, все знают, что кубиков четыре, и сдержаться уже нет сил. Тишка в такие минуты замыкается и, уставившись глазами в свои ботинки, молчит.

Тишке нравится возиться в мастерской деда, смотреть, как ловко в его руках рубанок сотворяет изгибающуюся ароматную стружку.

— Нарты будут, внучек. На Новый год на стойбище в новой нарте поедем.

— На «Буране»?

— На «Буране», внучек, на «Буране», — дед тяжело вздыхает.

Прошло, пожалуй, безвозвратно то время, когда олений путь связывал зимой стойбища и селения. А сейчас режут на куски моторным ревом тишину в борах, поймах рек лихие наездники. Уже и дичь свыклась с зудящим ревом моторных лодок, бензопил, снегоходов. И лесные жители не спешат запрягать оленей: всегда под рукой быстроходная и неприхотливая машина.

— Подай мне, Тиша, четыре гвоздика в-о-о-он из того туеска, — дед показывает рубанком на берестяную коробочку и хитро улыбается.

Тишку радость распирает, что дед его в помощники берет. Быстро забирается на табуретку.

— Держи, дед.

Дед Тимофей поправляет седые жидковатые усы, свисающие острыми концами, берет гвозди из руки внука, — четыре, как заказывал. Умеет считать, но показать не хочет. Упрямец. Отец его такой же был маленьким. Дед посмотрел на внука, словно пытался разгадать его тайну, взял молоток и стал приколачивать упор на верстаке.

— Однако, четыре подал, как я сказывал. Значит, умеешь считать.

Тишка покраснел и опустил голову.

— Светлана Антоновна приходила, — дед посмотрел на внука, заметил, как вскинул тот голову при упоминании учи-

тельницы, насторожился, — сказала, что рисунки твои на выставку взяли в город, хвалила тебя. На каникулы собираются детей в Екатеринбург везти. Тебя тоже приглашала. Поедешь? Елка там красивая. — Дед бывал несколько раз в Екатеринбурге, когда служил в армии его сын Спиридон, отец Тишки.

— Поеду, — Тишка снова опустил голову.

III

Сутки в поезде, нарядная елка на площади в Екатеринбурге, огромные Дед Мороз и Снегурочка, множество огней, автомашин, толпы людей, непривычный шум — все это быстро утомило Тишку, и первую ночь он спал крепким безмятежным сном. Ему даже ничего не снилось.

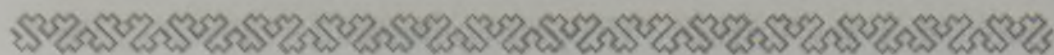
В музее с удовольствием рассматривал чучела разных птиц и зверей, многих он встречал в лесу. Потом долго разглядывал оружие под стеклом.

— У моего папки два ружья, — хвастается он своим товарищам. — Папка нынче пять глухарей стрелил.

— Ты же считать не умеешь, — подтрунивает Витька из третьего класса.

— Сам не умеешь, — и Тишка сразу замолкает, будто его кто холодной водой остудил.

В магазин «Детский мир» дети просились еще по дороге. Многие уже бывали в Екатеринбурге. Каждый имел карманные деньги, и хотелось из далекого города привезти какую-нибудь игрушку себе и в подарок братикам, сестричкам. В магазине ходили дружной стайкой. Светлана Антоновна то и дело пересчитывала своих подопечных. Тишка рассматривал игрушки, и ему в огромном магазине все нравилось. Он



наблюдал, как Витька с Игорем подходили к прилавку, читали вслух: «пирамида» — столько-то рублей, «конструктор» — столько-то рублей.

— А как эта игрушка называется? — показывает Тишка на яркую мягкую игрушку.

— Сам читай! Скоро в первый класс, а он еще буквы не знает, — и Витька, ехидно хихикнув, двинулся дальше в обнимку со своим другом.

Тишка отвернулся и заплакал. Он почувствовал себя совершенно беспомощным. А так хотелось узнать, что там написано на этих ярких бумажках. Он впервые пожалел, что не умеет читать. У него впервые прорезалось желание учить буквы и складывать их в слова. Он теперь знал, зачем ему это нужно.

— Тиша, что с тобой? — спросила ласково Светлана Антоновна.

— Я читать не умею, — и он заревел уже навзрыд, а Светлана Антоновна прижала его к себе. У нее тоже выступили слезы: понял, понял...

Она помогла Тишке выбрать игрушку по его деньгам. Мальчик держал только что купленную красную машинку и больше ничего не замечал вокруг.

IV

Автобус с визжащими от восторга детьми остановился у сельского клуба, где родители уже ждали своих чад. Тишку встречал дед Тимофей на стареньком снегоходе «Буран». К «Бурану» привязана новая нарта, накрытая оленьей шкурой. Как хорошо сидеть на новенькой нарте, как приятно ощущать свежий ветер, слышать глухое рычание мотора. Дед ве-

зет его по дальней улице — пусть все видят его новую нарту, и Тишка смотрит на мелькающие заборы, дома, деревья, и ему становится радостно: все вокруг знакомое, родное. Воздух чистый, без примеси гари. Дышится легко и вольно. Вот и соседский пес Байкал, как обычно, пробежался с лаем за «Бураном». Тишка высунул язык, подразнил собаку. Дед поддал газу, и Байкал, быстро отстав, остановился, сел на снег и с недоумением посмотрел вслед удаляющемуся мальчугану.

— Бабушка, где моя книжка? — не успев переступить порог, выпалил раскрасневшийся Тишка.

— Какая? Иди я тебя обниму, пухие, мальчоночка, — она расцеловала внучка.

— Букварь, — Тишка уставился в пол.

Взяв из рук бабушки букварь, он уходит в свою комнату, садится у окна и начинает листать. Он остановился на букве «м», и его губы сами разжались: «мы», потом пальчиком повел вниз и, словно нащупав то, что искал, отчетливо, по слогам прочитал: «ма-ма».

— Правильно, молодец! — бабушка притронулась к его плечу. — Скучаешь?

Тиша кивнул. Бабушка стояла за его спиной и улыбалась. Ей не верилось, что внук сам открыл букварь, сам прочитал слово. Она боялась его испугнуть. Не заупрямился бы.

— Пойдем кушать, сыночек, я пирожков твоих любимых с брусничкой испекла. А потом читаем. Хочешь?

— Хочу! — Тишка взял букварь и пошел следом за бабушкой.

С этих пор он не расстается со своим букварем. После садика ничего не дает по дому сделать. Какая это буква? Какая это?.. Это прочитай, это покажи. Бежит, бывало, к деду в мастерскую.

— Деда, а это какая буква? — и тычет ему под нос книгу.

— Погоди, Тишка, сейчас. — Дед не спеша откладывает стамеску, протирает чистым платочком очки. — Это буква «ш», — дед смешно шипит. — Видишь, шишка нарисована. А вот и слово «шиш-ка» под картинкой.

— Шиш-ка — повторяет Тишка и смеется: — Шиш-ка, Тиш-ка. — Бабушка, а что здесь написано, — бежит он к бабушке, когда дед занят.

— Некогда мне: видишь, руки в тесте. Горе с тобой — то за книжку не загонишь, а то... прямо спасу нет, — ворчит она для порядка.

Но не так-то легко отделаться от внука. И бабушка идет мыть руки, садится за стол и читает по слогам. Потом берет ручку и пишет слово на бумаге.

— Скоро и ты писать научишься. Открытку папе и маме напишешь.

— А я умею писать, — Тишка разворачивает лист бумаги. На листе большими буквами карандашом написано: «баба». Буквы прыгают, наползают друг на дружку. Последняя буква «а» завалилась набок.

V

Зима как-то быстро закончилась. Снег сполз с обочины раскисшей дороги и пригорков, болота стали пятнистыми, как лянкая шкура оленя. По оврагам да вдоль шумящих ручьев еще жмутся в тень грязные сугробы. Река вздулась, темной лентой уходя за поворот. У берега мутноватым потоком спешит на простор вода поверх еще не оторвавшегося льда. Темный лед, расчерченный кривыми черными линиями-трещинами, вот-вот тронется. Тайга потемнела и черным зубренным забором окаймила высокий противоположный

берег до старицы. С наступлением сумерек нескончаемо тянут гуси неровными ключами. Редко просвистят первые утки. Тишка с дедом каждый день ходят на реку — ждут ледохода. Дед все гадает, большая ли вода будет.

— Шибко быстро растаял снег-то. Сойдет вода раньше срока — не бывать большой воде, однако, — кряхтит он, почесывая затылок.

Назавтра дед имеет уже другое суждение:

— Хорошая, дружная весна. День, другой — и лед пойдет. А в болотах воды, однако, множество: в момент пойму зальет... большая вода будет

— Я тебя, дед, не пойму: большая вода будет или нет?

— Не загадывай погоду-природу. Какая будет, той и радоваться будем, — бубнит недовольно дед.

— Так ты же сам гадаешь каждый день, — Тишка не может понять деда.

— Человеку всегда хочется знать, что за поворотом ждет его, — старик всматривается вдаль, словно в будущее хочет заглянуть, — живи, внучек, так, чтобы не бояться завтрашнего дня.

— А это как?

— Дрова, сынок, сегодня положи у очага, чтобы стужи завтра не бояться. Человеку сегодня добро делай — завтра добром вернется. Сегодня не бери лишнего у природы — завтра сыт будешь.

Мудрено говорит дед Тимофей, но слова его глубоко в душу внука западают. Так и его, Тимофея, дед когда-то говорил. Так живут все его сородичи. Хочется деду, чтобы и Тишка вырос Человеком. Он треплет непослушные вихры внука, смотрит на оживающую речку через узкий прищур глаз, вдыхает весенний воздух, и радость наполняет его сердце.

VI

Еще не прошел ледоход на реке, а дед Тимофей засоби-рался в дорогу. Список всяких нужных вещей и продуктов составил Спиридон собственноручно. Ждет заказа. Почитай что месяц никакой связи со стойбищем не поддерживалось: ни снегоходом, ни лодкой в межсезонье в далекий сосновый бор не доберешься.

— Та-а-а-к... — тянет дед и смешно держит бумажку на вытянутой руке, — не вижу, однако... Подай, Тиша, очки.

Водрузив очки на кончик носа, читает: «Сахар, крупа, конфеты...» После каждого слова он мельком бросает взгляд по-верх очков на стоящие в кладовке мешки, на свертки на полках.

— Вот бисеру я так и не нашел. Нет теперь в магазинах. Соседка обещала... Тиша, сбегай к тетке Матрене...

И Тишка бежал, радуясь, что тоже участвует в полезном деле.

Каждую ночь ему снится один и тот же сон. Он уже там, на реке, в своем облаسه легко скользит по гладкой водной глади. Вот он подплывает к сетке, а там запутались огромные серебряные рыбины. Мама встречает его на пороге, радуется улову. Отец с гордостью смотрит на своего сына — рыбак. Каждую ночь мама рассказывает ему сказки, а он слушает, не сводя с нее глаз, прижимаясь к шершавой отцовской руке. Утром не хочется просыпаться, не хочется открывать глаза. Подольше бы длился этот замечательный сон.

— Деда, а мы сегодня поедем? — не терпится ему.

— Завтра утром, внучек. Рано подниму.

— А я совсем спать не буду.

— Ладно, посмотрим... — улыбается дед. — Соскучился... Букварь-то берешь?

— Да. Я маме читать буду.

...Как светло в родном доме, как мягко и тепло спать на оленьей шкуре, как приятно ощущать не во сне, а наяву отцовскую руку, поглаживающую его голову, как сладко по утрам слышать мамин голос...

Куропаткой порхнуло лето, короткое и радостное. Прокричало звонкой чайкой. Не успел Тишка оглянуться, а уже собираться нужно снова в деревню. На душе и радостно — в школу с первого сентября, но и с родителями расставаться не хочется. Загрустил, когда затаскивал облас под навес. Здесь зимовать будет вместе с дедовым. Отцов облас лежит, перевернутый вверх дном на берегу реки, — согдится еще.

— Не грусти, сын. Приезжай на каникулы, — впервые Спиридон подает сыну в лодку книги в ученическом ранце, — учись хорошо.

— Тун юш, хорошей, прямой дороги, — Спиридон обнял своего отца.

— Ям вупса, хорошей вам жизни, — ответил Тимофей.

Всю дорогу Тишка смотрит на нескончаемо меняющиеся берега, и такое же бесконечное и разноречивое чувство будоражит его крепнущую душу. Теперь школа его не пугала: он хорошо читал, считал до ста и больше. Наоборот, не терпелось увидеть друзей, не терпелось прочитать что-нибудь Светлане Антоновне... Незаметно явь переходит в крепкий сон. Проснулся он от толчка причалившей к берегу лодки.

— Приехали, однако. Беги, зови бабушку, да коляску возьмите, вона сколько Спиридон всего натолкал, — дед Тимофей показывает на упакованные мешки с рыбой, ягодой, зимней одеждой...

Цветы, цветы, цветы... Громко звучит музыка. Много людей... «Столько в деревне людей нет», — думает Тишка. Во-

круг все празднично: девочки в белых фартучках, с разноцветными бантами. Мальчишки в наглаженных костюмах. Учителя улыбаются, громко что-то кричат друг другу. Дед Тимофей, одетый в наглаженный полосатый костюм, пахнувший комодом, держит Тишку за руку, словно боится потерять в толпе. Тишка плохо помнит, что было потом. Выступали учителя, какая-то старшеклассница, но все говорят громко, непонятно. И только в классе все стало на свои места. Двенадцать первоклашек расселись. Три парты остались на заднем ряду без учеников. Тишке понравилась парта во втором ряду у окна. Рядом сел Васька.

В школе у Тишки все получается легко. Задания делает быстро. Светлана Антоновна нарадоваться не может — лучший ученик в классе. Только пишет Тишка неряшливо. Не хватает терпения выводить буквы, спешит, и тогда буквы наползают друг на дружку, вылазят за пределы строчки.

Особенный день сегодня. Уже не раз до Тишкиного уха долетали таинственные слова: диктант, контрольная... Не только Светлана Антоновна, но и другие учителя сегодня по коридорам ходят серьезные, словно в каком-то ожидании.

— Сегодня мы будем писать первый в вашей жизни диктант, — Светлана Антоновна посмотрела на своих учеников.

Те слушают учительницу внимательно. Еще бы — первый раз диктант.

— Сначала я прочитаю весь рассказ «Боб», а вы внимательно слушайте. Потом я буду медленно диктовать, вы должны записать так, как услышите. Спешить не нужно, все успеем.

Тишка вспомнил, что читал и знает этот рассказ. Он достал книжку, быстро нашел нужную страничку и аккуратно стал переписывать. Светлана Антоновна читала медленно, по

слогам. В конце учебного года хотелось, чтобы у детей были хорошие отметки. Тишка увлекся и уже не слышал голоса учительницы. Он пишет о том, как собака по кличке Боб вынесла из пожара маленькую девочку, потом куклу. Буквы ложатся ровно одна к одной. Тишке хочется написать без ошибок и красиво. Рассказ закончился, он поставил точку. Учительница продолжала диктовать. Раскрыв рот, Тишка смотрит на учительницу, и трепещущее сердце наполняется радостью. Справился!

— Тихон Лямзин, ты почему не пишешь? — строго спросила Светлана Антоновна.

— А я уже написал, — и Тишка широко улыбнулся. Его глаза залучились узкими черточками.

Светлана Антоновна увидела учебник, раскрытый на той же странице, что и у нее. Тишка и не думал прятать его. Она взяла тетрадку, прочитала. Отметила про себя, что Тишка старался.

— Диктант, Тиша, пишется только под диктовку, смотреть в текст нельзя, так что придется тебе завтра снова писать диктант. Ты же не хочешь двойку?

— Нет... — настроение у Тишки испортилось. — Ко мне папа приехал, мы завтра в город собирались...

— Если хочешь, я поговорю с папой, и он перенесет поездку на послезавтра.

— Не нужно, я сам, — Тишка опустил голову.

Всякому своя обида горька... Домой Тишка шел, не замечая ничего. Непослушные ватные ноги сами медленно несли по бесконечной улице. Тишке жаль себя до слез. К горлу подступил противный комок, соленый ручеек липко растекался по щекам. Он вытирал лицо руками, громко шмыгая носом. «Почему? Почему? — спрашивал он себя. — Я же первый написал диктант».

Впереди нечеткими линиями задрожал дом деда. Слезы тепло покатались к подбородку, и дом выровнялся. «Я пойду завтра в школу. Мне нельзя получить двойку. Я ведь хотел сделать лучше всех... Должен же папа понять, что я не хотел обмануть учительницу...» Тишка, уверенный, зашагал вдоль знакомого забора. Из-за угла выбежал знакомый соседский пес Байкал, замахал мохнатым хвостом, подпрыгнул и лизнул соленую щеку.

СОДЕРЖАНИЕ

- Горизонты реальности.
О прозе Валерия Михайловского. М.М. Рябий • 5
- Души неприкаянные. *Повесть* • 13
- О чем думает Кузьма • 84
- Зимник* • 93
- Смертельная мечта* • 101
- Любимое время года* • 112
- Тишка* • 124

Михайловский В.Л.

М69 Души неприкаянные: Повесть, рассказы. Кн. 1. —
Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2005. — 144 с.:
ил.

ISBN 5-7529-0772-1

В книге нижевартовского прозаика собраны произведения, героями которых стали коренные жители Тюменского Севера. По словам автора, это простые люди «с непростыми судьбами, заплетенными нашим взъерошенным временем».

ББК 84.Р7

Тиражом предусмотрено 100 экземпляров, пронумерованных от руки.

Экземпляр № _____

Михайловский Валерий Леонидович

ДУШИ НЕПРИКАЯННЫЕ

Повесть, рассказы

Художник Ю.А. Бычков

Редактор Е.В. Черняк

Корректор М.Ф. Худякова

Компьютерная верстка А.Ф. Агзамов

Лицензия на издательскую деятельность ЛР № 06534,
выдана 16.01.2002 г.

Подписано в печать 10.02.2005. Формат 70x100 ¹/₃₂

Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,8. Уч.-изд. л. 4,9.

Тираж 1000 экз. Заказ 730.

ОАО «Средне-Уральское книжное издательство»,
620014, г. Екатеринбург, ул. Малышева, 24

Отпечатано на ФГУИПП «Зауралье»,
640627, г. Курган, ул. К. Маркса, 106.





097892005
Окружная библиотека



Екатеринбург
Средне-Уральское книжное издательство
2005